Дмитрий ЕМЕЦ

стрекоза второго шанса

ШКОЛА НЫРЯЛЬЩИКОВ

ШНыр

Дмитрий Емец

Стрекоза второго шанса

«Емец Д. А.»
2012

Емец Д. А.

Стрекоза второго шанса / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2012 — (ШНыр)

Живая закладка на первый взгляд – обычный булыжник. Но присмотревшись, можно заметить, что в окаменевшем сотни тысяч лет назад куске смолы застыло в вечном движении насекомое или даже маленькое животное. Достать такую закладку с двушки – небывалое везение, ведь она мощный артефакт. Например, закладка со стрекозой дает право на второй шанс: каким бы ни было прошлое, его можно полностью изменить. Живые закладки встречаются очень редко, и это хорошо, потому что, попав не в те руки, они способны принести много бед.Бывший ныряльщик Денис решил: ничего страшного не случится, если он выдаст ведьмарям одну несущественную подробность повседневной жизни ШНыра. Ведь кто не знает, что помощница по кухне Надя болтает без умолку и любит посплетничать? И какая польза от этой новости? Все равно девушка не ныряет и вообще редко покидает пределы кухни. Но маленького предательства не бывает. И этот, казалось бы, пустячный секрет открыл ведьмарям путь к одной из самых могущественных закладок последнего столетия…

© Емец Д. А., 2012
© Емец Д. А., 2012

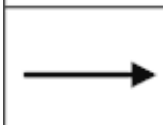
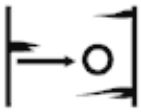
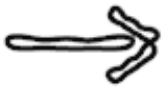
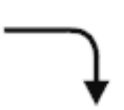
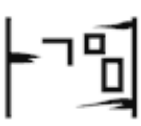
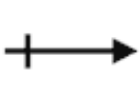
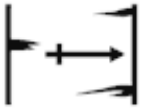
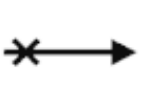
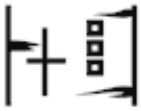
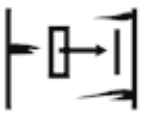
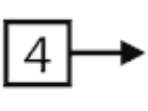
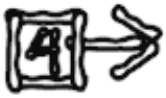
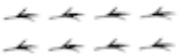
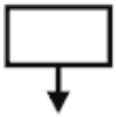
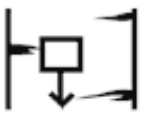
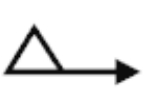
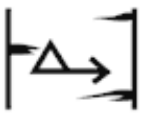
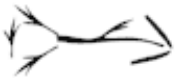
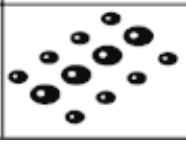
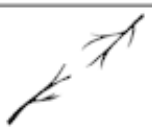
Содержание

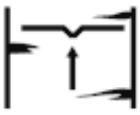
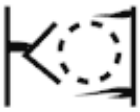
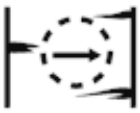
Дорожные знаки волшебника 7
Кодекс шныра 9
Глава 1 10
Глава 2 15
Глава 3 18
Глава 4 25
Глава 5 28
Глава 6 30
Глава 7 39
Глава 8 49
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Дмитрий Емец
Стрекоза второго шанса

Книга – это вечная мысль. Рука, протянутая через десятилетия и века, когда рядом невозможно найти собеседника.
Йозеф Эметс,
венгерский философ

Дорожные знаки волшебника

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Иди прямо
					Поворот направо
					Осторожно! Впереди опасность
					Стой! Дальше идти нельзя
					Вода пригодна для петов
					Воду пить нельзя
					Закладка в четырех шагах
					Закладка здесь
					Направле-ние на лагерь
					Привал
					Тут переправа

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Осторожно! Опасность с воздуха
					Территория, защищенная от гиел
					Осторожно! Магическое минирование
					Закладок нет
					Зона последнего поиска
					Пегов не привязывать!
					Прощальный знак шныра, попавшего в беду

Кодекс шныра

Когда тебе больно, не корчи из себя страдающего героя. Нужно или плакать в голос, или терпеть. Ты можешь дать всё другим, но ничего себе. Потому что ты шныр!

Наедине с собой ты будешь рвать зубами подушку, расшибать кулаки о стены. Но на людях ты будешь улыбаться. Потому что ты шныр!

Всякий нырок оплачивается жертвой.

Чем меньше жертва и способность к жертве, тем меньше возможности закладки, которую ныряльщик способен вытащить. Жертва не может быть больше, чем человек способен понести.

Для того, кто использовал закладку для себя, повторный нырок невозможен.

Никогда не нырявший или отказавшийся от нырков шныр может оставаться в ШНыре, но использовавший закладку для себя – никогда.

Самый тяжелый нырок всегда первый. На первой закладке шныр всегда испытывается максимальной болью.

На территорию ШНыра не может проникнуть ни один человек, окончательно утвердившийся во зле и его ценностях или ощутивший себя явным добром. Это не мы так решили. Просто так есть, было и будет.

Новых шныров выбирают не люди, а золотые пчелы, единственный улей которых находится в ШНыре. Почему пчелы выбрали именно вас – мы не знаем, потому что когда-то точно так же они выбрали и нас. Хотя в отдельных случаях можем догадываться. Но догадываться не означает знать.

Случайно раздавить золотую пчелу нельзя, но ее можно предать. В этом случае она умирает.

Временами на человека нападает необъяснимое скотство, и он начинает яростно топтать свои прежние ценности. Рвать книги, перечеркивать близких людей, глумиться над тем, что прежде было ему дорого. Самый близкий друг становится тогда самым непримиримым гонителем, а самый ярый приверженец – самым ярым ненавистником.

Из дневника невернувшегося шныра

Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой.
Ободрись и встреть их грудью, и ударим на врагов!
Пусть везде кругом засады – твердо стой, не трепещи!
Победишь – своей победы напоказ не выставляй,
Победят – не огорчайся, запершись в дому, не плачь!
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй:
Смену волн познай, что в жизни человеческой царит.

Архилох

Глава 1
Мокша

Парадоксальное наблюдение: человека, который жалеет себя сам, никогда не жалеют другие.
Йозеф Эметс

Земля накалена. Круглое, как глаз, солнце с участливым любопытством следит за земными делами. Лыщикова гора глядит на север. Вшивая горка – на северо-запад, а на юго-запад смотрит густо заросший травой Красный холм. Но это не существенно. Если присмотреться, все три склона являются частями единого целого и относятся к возвышенности, лежащей при впадении в Москву-реку ее дочки Яузы.

Пройдут века, и это место станет известно как Таганка. Выгоны для скота застроятся многоэтажными доходными домами, а там еще немного, и прямо поверх домов, отдуваясь жаркими автомобилями, уляжется Садовое кольцо. Сейчас же здесь Таганная слобода, жители которой делают таганы – подставки для котлов. Поблескивает полоска реки. Где-то там, у воды, громко перекрикиваются слободские бабы, полощущие белье. Самих баб не видно, они далеко – только звонкие голоса разбегаются по холмам.

Два расседланных пега пасутся в траве, доходящей им до живота. Пеги кажутся горбатыми из-за закрывающих спины попон. Все же крылья попоны скрывают – и это главное. Хотя прятаться тут особенно не от кого – кто потащится пыльным июльским днем в такую даль? Рядом с пегами на траве сидят два молодых человека. На вид им лет по двадцать. Они быстры в движениях, сильны, смешливы. Особенно смешлив юный Мокша Гай – гибкий красавец, в чьих блестящих темных кудрях запуталось не одно девичье сердце. Чуть что – заливается, как колокольчик. Хочешь не хочешь – расхохочешься с ним вместе, так заразителен его смех. Другого молодого человека красавцем не назовешь. Ну разве что по большой любви к нему. У него широкое серьезное лицо, вздернутый короткий нос и смешные припухлости по краям бровей, над переносицей. Только глаза удивительны – иногда, когда он вскидывает голову, кажется, что зрачки зачерпывают солнце. Это Митяй Желтоглазый.

Мокша смотрит на Митяя с нетерпеливым восторгом, как на полубога, как на своего кумира. Разумеется, вслух он никогда ему об этом не скажет. Но надо ли об этом говорить?

– Расскажи еще раз! – умоляет он. – Ну я тебя прошу!

– Да сколько раз можно! Я, понимаешь, осиное гнездо отыскал, завернул его в три лопуха и в сумку сунул. Хотел подшутить кое над кем.

– Над Мещерей Губастым за то, что он тебе в сапог муравьев насыпал? – в восторге восклицает Мокша. Он никогда не устанет это слушать.

– Ну да, над Мещерей. А лопухи, видать, неплотно прилегали. Осы вылезли и давай Ширяя в самое брюхо жалить, под потник… – Митяй оглядывается на вороного жеребца. Тот перестает пастись и зубами начинает чесать себе бок. Потом снова утыкается в траву.

– А дальше! Дальше! – едва не стонет Мокша.

– Ширяй взбесился от боли и понес. Я туда-сюда! – не могу его остановить. Ты ж знаешь, какой он горячий – не удержишь. А осы-то все новые из гнезда выползают и туда же лезут – под брюхо! Ширяй крылья сложил и к земле. Разогнались мы так, что в ушах свистит. Я понимаю: все, конец, разобьемся оба. Прижался к нему, за шею его обхватил, шепчу ему: «Не бойся!» А он крылья приподнял, сложил и меня ими точно обнял.

Глаза у Мокши Гая расширяются. Восторг в них сражается с недоверием. Митяй не может врать.

– И не разбились?

– А что? Я похож на мертвеца?

Митяй протягивает к Мокше свои руки. Сжимает и разжимает пальцы. Руки живые, тут сомнений нет. По указательному пальцу ползет золотая пчела. Митяй смеется и стряхивает ее в траву.

– Мы врезались в землю, как в квашню. Она стала мягкая, понимаешь? Не залипли, а пронизали ее насквозь! А там все какое-то другое… Вялое, душное, а запах, как в старом погребе.

Мокша Гай с тревогой смотрит под ноги, на траву. Думает. Пытается выстроить картину. Ну что земля-то плоская – это не новость, это всякий малец мокроштанный знает. А теперь оказывается, она еще и тонкая. Ему приходит в голову, что если прокопать землю насквозь, то можно выскочить туда, где побывал на пеге Митяй.

– А как же слоны и кит? На посольском подворье болтали, что земля стоит на ките и слонах! Я сам слышал, когда мед продавал! – говорит он неуверенно.

– Я ничего не видел, – отвечает Митяй.

– Ты внимательно смотрел? – допытывается Мокша.

– А ты думаешь, их можно было не заметить?

Мокша кивает. Действительно, если бы кит существовал, Митяй бы его заметил. Митяй, он зоркий! Может разглядеть даже цвет клюва у пролетающей птицы или пятнышко у нее на груди.

– Ты попал в мир мертвых! – важно сообщает Мокша, пытаясь представить себе дряблый мир.

Митяй переворачивается на живот и травинкой дразнит свою пчелу.

– Не знаю. Мертвых я там не видел, хотя смотрел во все глаза. Впереди клубится что-то такое, вроде тумана над трясиной. А в тумане – черная нора. Ширяй сразу к норе устремился. И не боялся совсем, понимаешь? А ведь он и от куста порой шарахается!

Мокша вцепляется Митяю в рукав.

– Ты его не останавливал? Нет?

– Куда там останавливать? Ему и без меня тяжело лететь было. Там такое все… провисшее. Я в гриву вцепился, не отпускал. Повода лишний раз и не касался – опасался, вообще оттуда не вырвемся. Ширяй разогнался и в нору.

Митяй замолкает. Мокша не находит себе места. Бегает вокруг, заглядывает ему в лицо. Митяй молчит, качая на травинке свою пчелу. Он может играть с ней часами. Говорят, она прилетает на его голос, хотя поверить в это невозможно. Пчелы – они сами по себе.

– А в норе? В норе, что?

– А в норе не пойми чего, – морщится Митяй. – Я думал: тронусь. Папаню своего покойника видел, как ему крымчаки ножами ремни из спины режут. Папаня кричит, чтобы я с лошади соскочил да к нему бежал на подмогу. Стал я ногу из стремени выпутывать, а Ширяй меня крылом по лицу… Смотрю я: папани нет и в помине, а где он стоял, только кучи серые ворочаются.

Голос у Митяя еще не устоялся. Он чуть подрагивает и выдает высокие ноты, хотя Митяй и старается говорить хрипло. Мокша бросается животом на траву и переворачивается на бок, чтобы только заглянуть ему в лицо.

– Не врешь? Правда, не врешь? – стонет он.

– Смотрю: нора заканчивается, а впереди что-то светлеет. Ширяй крыльями плеснул, и вдруг ветерок прохладный в лицо, а кругом сосны! Прям как наша земля, но птиц не слышно, и солнца нет. И все такое новое: и деревья, и кусты, и небо! Словно по ярмарке ходишь и смотришь вещи, которых никто, кроме мастера, который их сработал, прежде в руках не держал!

– Мир мертвых! – пугливо повторяет Мокша Гай.

– Да не видел я никаких мертвых! Говорю тебе! А ведь я там даже по земле ходил! – терпеливо объясняет Митяй.

– Ты спрыгнул с седла? – изумляется Мокша. Про это он слышит впервые.

– Не сразу… Ширяй долго летел над соснами. Он летит, а я ничего понять не могу. Пора бы ему устать, а у него с каждым взмахом сил прибавляется. Зато я взмок весь и с седла уже сползаю. То в одну сторону мотанет, то в другую. А там уже и горы впереди синеют – близко совсем. «Нет, – думаю, – хватит. А то обратно не воротимся». Посадил я Ширяя на поляне, крылья подвязал, стреножил и пустил пастись.

– А сам?

– Рубаху снял, в ручье искупался, и вроде как полегче стало. В пот уже не так бросает, и круги перед глазами исчезли. Лег я тогда на траву, да и сам не заметил, как уснул. И приснилось мне, что я дома…

– В Новгороде? – уточняет Мокша.

Он знает, что Митяй из деревеньки под Новгородом. Оттуда привела его настырная золотая пчела, которую он целую неделю пытался то сжечь в печке, то закопать в муравейнике. Не сжег, не закопал, а из любопытства пошел туда, куда она его вела. А потом увидел пегов, влюбился в них с первого взгляда и стал летать. Просто летать, потому как что еще можно делать с крылатыми лошадьми? Землю на них пахать несподручно.

– Нет, не в Новгороде. Будто этот мир с соснами и есть мой настоящий дом! Когда-то он расширится, точно взорвется светом. И нора перестанет существовать, и затхлый мир, и те серые кучи, которые притворялись моим папаней, хотя я точно знаю, что он не к крымчакам под нож попал, а в полынью зимой с телегой провалился.

– А мы все? – спрашивает Мокша.

– И наш мир исчезнет. С домами, с лесами, с морями – весь, – уверенно отвечает Митяй.

Мокша Гай пугается.

– Как исчезнет?

– Так и исчезнет. Зальет его светом. От края и до края. И он растает, потому что он ненастоящий… Или, может, настоящий, но не такой, каким должен быть. – Митяй сам не знает, откуда ему это известно. Но он знает.

– А как же люди?

Митяй отвечает не сразу. Сон у него был отрывистый, запомнил он его плохо, поди теперь распутай. Да и видел-то он не слова, а яркие чередующиеся картины.

– Я не знаю… Думаю, люди перейдут туда! В тот мир, где все сияет. И все такое новое! – говорит он счастливым голосом.

– А вещи? А все это? – вытянутые пальцы Мокши скользят по Таганской слободе, точно трогая ее сквозь холмы и деревья.

– Исчезнет. Останется то, что мы, люди, сумеем пронести в своей душе. Все, что мы любим, обязательно окажется в том прекрасном мире. Но я точно не могу сказать. Я только так думаю…

Мокша Гай жадно слушает. По рубахе у него ползет золотая пчела. Его собственная. Пусть и не такая ручная, как у Митяя. Иногда она улетает, иногда прилетает, но, в целом, живет так, как хочет того сама.

– Ну а потом я вернулся, – говорит Митяй. – Снова нора была, и снова те тени. Только я их больше не слушал. Когда лбом к конской гриве прижимаешься, вроде оно полегче. А дальше ты знаешь. Ты ж меня первым встретил, когда я вернулся.

– И ты об этом никому не говорил? Ни Титу Михайлову? Ни Маланье? А Сергиусу Немову? – спрашивает Мокша.

– Тебе первому! Ты же мой друг!

Мокша счастлив. Но, разумеется, не признается. Митяй смотрит на Мокшу, оглядывается и – быстрым горячим шепотом:

– А знаешь, я хочу попробовать во второй раз. Все-таки прорваться к тем горам, а если получится, то и дальше, за горы! Интересно же посмотреть, что там! Я даже слово придумал: нырнуть.

– Что «нырнуть»? – не понимает Мокша.

– Ну на лошади сквозь землю – это «нырнуть». Вроде как с вершины сосны в реку. Помнишь, мы прыгали? Ты, я и Тит Михайлов? Другим боязно показалось.

– Еще бы не боязно, – бормочет Мокша.

Он до сих пор не может забыть, как, зажмурившись, летел с сосны в реку, а потом, барахтаясь, выплывал в смертном страхе, почти захлебнувшийся, дышащий водой, как воздухом. Титу-то, понятно, нипочем, он отчаянный. С голыми руками на десятерых пойдет, если какая неправда или обидели кого. Ему и зубы давно уже повышибали, и нос перебили.

– Ты пойдешь со мной, Мокша? Пожалуйста! Я все продумал! Я – на Ширяе. Ты – на Чалой. Она за Ширяем куда угодно последует. Он к земле понесется, крылья сложит – и она за ним.

– Разобьемся!

– Не разобьемся! Просто не испугайся, и все! Пройдем как по маслу! Главное сквозь нору проскочить! Да только на этот раз все хорошо будет. Новый мир нас пропустит.

– Откуда ты знаешь?

– Да я сердцем чую, что пропустит, – говорит Митяй, однако у Мокши его уверенности нет.

– Сказал тебе, что ли, кто?

– Да кто мне скажет? Просто чую, что пропустит, и, если кто со мной пойдет, то и его тоже. Далеко пропустит. И за первую гору, и дальше куда захотим. Один раз, но пропустит! Он согласен, чтобы мы его увидели! И согласен подарить все, что мы найдем и захотим взять!

– Да что там брать? Сосны? Елки? – откликается Мокша.

Митяй задумывается.

– Ну почему… – тянет он. – Там еще камни есть. Трава…

Мокша равнодушно дергает подбородком. Камни ему не нужны, как не нужна и трава. Его волнует другое:

– А кто «он»-то? Кто тебе это обещал? Кто с тобой разговаривал?

Этого Митяй объяснить не может.

– Да кто ж его знает? Да и потом, разве он разговаривал? Это все как-то без слов было, – отвечает он.

Мокша долго соображает, шевелит губами. Митяй теряет терпение.

– Да или нет? Идешь со мной? Я же тебя зову! – торопит он.

Мокша мнется, дергает себя за рубаху. Ткань натягивается, обрисовывая стройное тело и крепкие, хотя и неширокие, плечи. Мокша раскачивается точно канатоходец над площадью. Ему хочется сказать «да». Очень хочется. Он открывает рот, чтобы выговорить это самое «да», но в последнюю секунду страх перевешивает.

Шутка ли, к чему его подговаривают? Взлететь на лошади выше города, выше туч и со всего маху грянуть об землю! А ну как не получится? Слишком живое воображение оказывает Мокше дурную услугу. Он видит себя вдавленным в грязь, с раздробленными костями, с треснувшим черепом и рядом мертвую лошадь. Это ж надо додуматься: не летать на пеге, как делали их предшественники, а заставлять лошадь биться об землю. Он еще раз взвешивает все: свою дружбу, свое доверие к Митяю, и понимает, что за Митяем он не пойдет, как сильно его ни любит.

– Нет! – говорит Мокша твердо.

Митяй разочарован. Он даже не сразу верит, что ему отказали. Что не захотели видеть новый, не щупанный, не виданный никем мир.

– Боишься? – недоверчиво спрашивает он. – Неужто боишься? Ты – и боишься!

Сияющие глаза Мокши выцветают. Он хочет жить. Фантазии – это все хорошо, да только не собирается он становиться мешком с костями.

– А то нет! Иди с колокольни прыгни, если невтерпеж! Хватило мне и с сосны в реку! – со злостью кричит он.

– А ты бойся бояться! Я, конечно, Тита Михайлова могу попросить, он не откажет. Даже если не до конца поверит, не откажет. Но я хотел тебя: ты же мой друг!

– Нет! – повторяет Мокша.

В глазах у него слезы. В груди рвется доверие.

– Нет! – снова объясняет он спине Митяя, хотя тот уже стоит рядом с пегами и не может его слышать.

Глава 2
Сумашечкин домик

Сумашечкин домик. Комната полна внешне нормальных людей. Одни читают, другие лежат на кроватях, третьи беседуют. Вдруг кто-то случайно произносит: «Дай взаймы!» Какой-то мужчина хватает табуретку и начинает ей размахивать. Врываются санитары, уводят. Входит строгий доктор: «Кто сказал «дай взаймы»? При нем нельзя говорить о деньгах!»

Сумасшедшего уводят на укол. Снова все тихо и спокойно. Потом кто-то случайно произносит: «Поцелуй!» Молодая девушка начинает кататься по полу. Входит строгий доктор: «Ну, просто, как дети! При ней нельзя говорить о поцелуях!» Девушку уводят.

И так поочередно уводят всех. В кадре – пустая комната.

Рина. Сюжет для короткометражки

Денис с таким усердием вытирал ноги о коврик, что, чудилось, он собирается протереть его до дыр. Не то чтобы ноги были грязные – просто он нуждался во времени для принятия решения. Ему казалось: он сейчас вытрет ноги, а потом повернется и уйдет, так и не коснувшись звонка. Так случалось уже трижды: Денис приходил, топтался здесь и… уходил. Вот и сегодня он повернулся, чтобы уйти, и даже занес уже ногу, но неожиданно услышал за дверью неясный звук, напоминавший женское хихиканье.

Больше всего на свете Денис ненавидел быть смешным. Он вспыхнул, протянул руку и решительно позвонил. И сразу ему открыли, точно кто-то давно следил за ним в глазок. По ту сторону, участливо наклонившись вперед, одинаково ласковые, милые и понимающие, стояли Дионисий Тигранович, Млада и Влада.

Денис что-то забормотал, объясняя свой приход. Его не слушали. Подхватили под руки, повели. Денис ощущал себя мухой, упавшей в мед. Смерть была липка, ужасна, но сладка. Через минуту он сидел уже за столом. Его обнимали, гладили, похлопывали по спине, как немцы в агитроликах ободряют сдавшегося партизана. Кажется, кто-то даже поцеловал его в шею. Он понадеялся, что все же не Белдо.

Затопленный любовью, пониманием и участием, Денис открывал и закрывал рот, улыбаясь во все стороны. Его смущало, что он до сих пор не объснил цели своего визита.

– Я хочу… – начал он.

Не слушая, на него замахали руками. Усадили за стол. Напоили чаем, придвинули тарелку с печеньем. Млада и Влада ревниво толкались локтями, оспаривая друг у друга право угодить гостю.

– Он хочет зефира! Скажи, скажи ей! – подпрыгивая от обиды, кричала Млада.

– Убери свой покупной зефир! Мальчик хочет мой яблочный пирог! Он полон энергий любви! Я думала только о хорошем, когда его готовила! Если бы ты, дрянь, на кухню сунулась, я бы тебя кипятком обварила! – вопила Влада.

Когда лицевые мышцы Дениса окончательно одеревенели от необходимости бесконечно улыбаться и столь же бесконечно жевать, к нему придвинули ручку и бланк.

– Заполняй анкету! Чистая формальность, но от нас требуют! – пояснил Белдо, серией вздохов и гибким личиком выражая презрение к бюрократии.

Бланк был аккуратный, номерной. Бумага очень хорошая. Денис ощутил робость и дикое нежелание писать.

– Да тут чай пролит! – нерешительно возразил он.

Белдо засмеялся и, ободряюще подмигнув, вытер стол рукавом пушистого халата.

– Какой чай? Нет тут никакого чая!

– Неужели вы ни о чем не хотите меня спросить? – умоляюще произнес Денис. – Ну зачем я пришел? Или там еще чего-то?

Перестав отжимать рукав халата, Дионисий Тигранович отбежал от раковины.

– Ну хорошо! Как ты узнал мой адрес?

– Адрес мне подсказал один паренек из бывших. Он сейчас у Тилля. Мы с ним учились вместе, пока он не… В общем, чистил пегу подковы, пег укусил его, а он схватил пустое ведро и сгоряча шарахнул его по морде раза три.

Белдо понимающе цокнул языком. Чего не случится в конюшне? Пеги – не ангелы, хотя и имеют порой белые крылышки. Только пегов почему-то не выгоняют из ШНыра, а людей выгоняют.

– Ведро, надеюсь, не пострадало? – спросил он.

– И пег не пострадал! Но Кавалерия заявила: «Жестокое обращение с животными – первый признак недовольства человека самим собой» – и выбросила парня из ШНыра. Он просил об испытательном сроке – не дала. А Штопочку, например, не выгоняет, хотя та дубасит своего Зверя почем зря!

Дионисий Тигранович вежливо загрустил и высказался в том плане, что жизнь полна несправедливостей и обид.

– И почему ко мне, а не к Тиллю? – спросил он вкрадчиво.

Денис скривился.

– К берсеркам? Да ну их! Они полные психи! Не хочу причинять никому боль!

Белдо бросился пожимать ему руку.

– Родной человек! Родные мысли! А почему не к Долбушину?

– Да я не знаю, – замялся Денис. – У меня дар-то, в общем, не финансовый… Да и не особо магический. Физкультура какая-то. Не знаю даже, подойду ли я для вашего форта?

Белдо поощрительно заулыбался и высказался в духе, что для его форта подходят абсолютно все, главное, чтобы человек был хороший и звучал бы сердцем в унисон.

Постепенно успокаиваясь, Денис разглядывал анкету. Она была, в общем, стандартная и не заключала в себе ничего ужасного.

ИМЯ. ДАТА И МЕСТО РОЖДЕНИЯ. АДРЕС ПОСТОЯННОГО ПРОЖИВАНИЯ.

С этими графами все было понятно. Денис заполнил.

ДАР: *Ускорение движения.*

ОГРАНИЧЕНИЯ: *После ускорения я на некоторое время замедляюсь и нахожусь точно в полусне.*

ЦЕЛИ, ЗАСТАВИВШИЕ ВАС К НАМ ОБРАТИТЬСЯ.

Ответ на этот вопрос был сформулирован у Дениса давно. Много раз он проигрывал его в голове. Правда, Денис думал, что будет проговаривать все вслух. Но какая разница, говорить или писать?

«Псиос мне не нужен. Но я считаю, что одной закладки мне мало. Человек должен совершенствоваться», – вывел он.

Следующая графа была не совсем понятная – МОРАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ.

– А… – начал Денис.

– Это что ты будешь и чего не будешь делать. Хочется заранее знать, чего можно ожидать от человека, чтобы не обижать его неприятными поручениями! – охотно пояснил Дионисий Тигранович. Он и в бланк не заглядывал, но откуда-то знал, в каком месте сейчас Денис и что он пишет.

Денис долго вертел пластиковую ручку, потом быстро и четко записал, ставя много восклицательных знаков.

«Я отказываюсь убивать шныров! Отказываюсь служить эльбам! Отказываюсь отнимать закладки, если они нужны для спасения чьей-либо жизни! Те же закладки, которые я отниму, я буду использовать исключительно в благих целях и во имя добра!!!»

Уточняя, можно ли так писать и не помешает ли это его вступлению в форт, Денис тревожно взглянул на Младу и Владу. Вороны, зорко следящие за движениями его ручки по бумаге, ободряюще закивали, всем своим видом показывая, что во имя зла и сами не шевельнут и пальцем. Млада даже поцеловала Дениса в затылок, и тот успокоился, поняв, что в прошлый раз его целовал не Белдо.

Еще пара маловажных вопросов, и с анкетой было покончено. Оставалась последняя графа: СВЕДЕНИЯ О ШНЫРАХ.

– А это для чего? – спросил Денис подозрительно. – Для доносов, что ли?

Дионисий Тигранович вздрогнул узкой спинкой. Слово «донос» резало ему слух.

– Да как ты можешь так думать? О, они не будут использованы во вред! Ни в коем случае! НИКОГДА!

Денис ему не поверил.

– Я ничего не знаю! Я взял первую же закладку! Мне не открывали никаких шныровских тайн! – сказал он.

Дионисий Тигранович покачал головой.

– Человек не может ничего не знать! Даже если он был где-то всего пять минут, что-нибудь он обязательно, да заметит. Хотя бы цвет штор! К тому же шныровские тайны меня абсолютно не интересуют.

На бланке проступило пятно чая, Белдо вытер рукавом далеко не все.

– А что тогда? – спросил Денис, разглядывая этот растущий участок мокроты.

– Любые пустяки! Какие родились жеребята, что Суповна готовит на обед, кто с кем дружит, убрали ли из гостиной старый диван!

– Такую ерунду? – не поверил Денис. – Зачем вам?

Маленьким кулачком старичок ударил себя в грудь.

– Говорю же тебе! Я люблю ШНыр и все, что с ним связано! Любая новость о ШНыре – бальзам на мою душу! Хоть что-то, хоть один пустячок! Только не обманывай, я все равно узнаю!

Млада и Влада смотрели на Дениса ласковыми кошачьими глазами и разве что не мурлыкали. Они тоже любили ШНыр.

Денис вздохнул и взялся за ручку. Кого они думают обмануть? Он не считал себя ни дураком, ни предателем. Шныры сами вынудили его примкнуть к ведьмарям, вышвырнув, как нашкодившего котенка. Ну и пусть! Все равно он не будет платить им злом за зло! Цель его жизни – совершение последовательного добра!

«Ничего важного я не напишу… Какую-нибудь мелочь, не больше», – подумал он и написал, что кухонная девушка Надя болтает без умолку, сплетничает и всех достала.

Учитывая, что Надя не ныряла и редко покидала пределы кухни, это никак не могло повредить ШНыру. Денис поставил точку и решительно отодвинул от себя бланк – прямо в самые крошки от пирога. Пусть налипнут!

Глава 3
Контрольный поцелуй

Хромой спартанец шел на войну. «Зачем ты идешь?» – «Я иду не бежать, а биться». Слепой спартанец шел на войну. «Зачем ты идешь?» – «Чтобы притупить собою меч врага». Старый спартанец шел на войну. «Зачем ты идешь?» – «Заслонить молодых».
Михаил Гаспаров
«Занимательная Греция»

Московский февраль состоит из двух слогов, семи букв, шести звуков, бродячих ветров и ненормированного количества холода.

Сашка позвонил, когда Рина переходила дорогу. Рина так задубела, что не понимала: она ли уворачивается от машин или машины от нее. Электронный термометр на остановке показывал – 19. Ну а ботинки, разумеется, осенние, шапки – так и вообще нет. Мысль одеваться по сезону всегда посещала Рину с большим опозданием, когда указанный сезон уже проходил. Выскочишь на крыльцо ШНыра – вроде нормально, не холодно. Да только уже на полдороге к станции чувствуешь себя погруженным в жидкий азот.

– Ты на месте? – спросил Сашка.

– Вроде да, – лязгнула зубами Рина.

– Молодец! Что ты видишь?

– Как ча? – Рина сама не заметила, что начинает «чакать», как Макар. – Ну это… перекресток Ломоносовского и как его там…

– Правильно! Пожарную машину на памятнике, которая *нерпи* заряжает, уже видно?

– Нет.

– А… ну да! Ты же с другой стороны идешь… Рынок слева есть? Павильончики? Магазины? – Сашка был деловой, как десять кило колбасы. Рина даже рассердилась на него. Еще бы – сидит сейчас в ШНыре, в тепле, и командует.

Рина оглянулась.

– Рынок есть.

– Отлично! Ты почти на месте!.. Предпоследний ориентир: трамвайные пути.

Рина попыталась увидеть пути, и тут ее оглушило истеричным звонком. Она отскочила из-под носа у проносящегося трамвая. Водитель жестами показывал ей, что он о ней думает. Мысли были самые противоречивые.

– Чего такое? – не понял Сашка.

– Ничего… Пути нашла.

– Умница! Вся в меня! – похвалил Сашка. – А голос почему такой невеселый?

– Чтоб ты не догадался, как сильно я рада!

– А… ну да!.. Теперь последний ориентир: киоск для продажи проездных.

– Есть такой!

– Смотри прямо над ним! Что ты видишь?

– Столб.

– Правда, столб? – обрадовался Сашка. – А пластиковый вазон с искусственными цветами на столбе висит?

– Ну.

– Высоко от земли?

– Метра три с половиной.

– Во! – обрадовался Сашка. – Он самый! Полезай теперь туда и сунь руку в вазу! Там для тебя записка!

– А на словах нельзя?

– Нельзя! – таинственно отозвался Сашка.

Как Рина ни любила альпинизм, лезть на столб зимой ей не хотелось. Не исключено, что и сам Сашка не карабкался на столб, а дотянулся до вазы с крыши киоска для продажи билетов. Однако теперь окошко киоска было открыто, и рядом с ним стояли люди.

Рина решила рискнуть и вообще никуда не залезать.

– Нашла? Прочитала? – немного выждав, забеспокоился телефон.

– Да.

– И что ты прочитала? Текст какой? – напрягся Сашка.

«**Я тебя люблю**!» – торжественно произнесла Рина. – Правильно?

Сашка озадаченно замолчал. Слышно было, как он пыхтит в трубку.

– Ты, правда, что ли, на столб залезла? Так быстро?

Рина усмехнулась. Воображение у Сашки было технарское. Гуманитарий же всегда может просчитать технаря. Особенно если гуманитарий девушка, а технарь всего лишь молодой человек. Правда, этот молодой человек был романтик, но романтик, опять же, на свой практический лад. Например, Рина видела, что в Копытово асфальтируют площадь у магазинов, и предлагала: «Давай оттиснем наши ноги в свежем асфальте! И это останется навеки!» «Ну до ближайшего ремонта площади – точно», – отзывался Сашка. Вот и сейчас, узнав, что Рина прочитала записку, Сашка продолжал деловито раскручивать клубок:

– И что ты по этому поводу думаешь?

– По какому?

– Ну по поводу записки!

– Да ничего! – торопливо сказала Рина. – Ну все! Пока! Я замерзла!

Она действительно мерзла, прыгала с ноги на ногу и думала, почему люди так боятся сказать: «Я тебя люблю», первыми, но упорно выманивают признание из других. Типа, чтобы не открыть врагу главную военную тайну?

Подошел зеленый, с белой полосой, автобус. Рина запрыгнула в него и стала искать проездной. Она толкалась в вечной московской пробке, попущенной для тренировки всеобщего терпения, и улыбалась своему отражению в стекле. Мысль о Сашке согревала ее сильнее автобусного кондиционера. В большинстве пар один позволяет любить себя, а другой откликается на любовь. При этом, как ни странно, больше получает не тот, кого любят, а тот, кто любит сам. А Рина сейчас, скорее, купалась в неуклюжей Сашкиной любви, чем любила сама.

С Сашкой ей было легко и хорошо. Верный, спокойный, он не пытался казаться остроумным, да и вообще не стремился понравиться. Темы для разговора находились сами собой. Когда мимо проезжала машина, Сашка принимался рассуждать: если наехать шиной на непогашенный окурок и он прилипнет – прожжет окурок шину или нет? Или: если из мчащегося поезда по ходу движения выстрелить из арбалета, сложатся ли скорости и увеличится ли пробивная способность? Может, и не самые интересные темы, но Рине, с ее мальчишескими привычками и ножом на ноге, они оказывались в самый раз.

Другим огромным плюсом Сашки было то, что он всегда говорил правду. Настоящую правду. Выдавал всю свою мысль целиком – со всеми тайными пружинками и скрытыми мотивами, которые другие предпочитали застенчиво накрывать салфеточкой лжи. Он рассказывал, что даже в школе, принося в дневнике пятерку, всегда говорил, была ли она честно заработанной или ее поставили за то, что тише других вопил и никого не убил на уроке.

Сашка перезвонил, когда автобус почти довез ее до метро «Ленинский проспект».

– Ну чего тебе? Еще какие-то записки в горшочках? Куда теперь ехать? Пресня? Братеево? Митино? – спросила Рина.

В автобусе она отогрелась и настроена была игриво.

– Не, я не о том… – отозвался Сашка. – Я другое хотел сказать. Про записку. Я тут долго думал…

– …поздравляю! Надеюсь, не устал?

– …и я знаю, что ты на столб не залезала, – продолжал Сашка.

Рина переполошилась.

– Откуда? Оповещающий маячок?

– Не. Зачем? В моей записке было написано просто «ку-ку!». Одно-единственное «ку-ку» и больше ничего. Но суть ты поняла верно.

Рина хотела ответить, но тут автобус сильно тряхнуло и ударило обо что-то. Водитель запоздало загудел. Толстая женщина в лисьей шапке потеряла равновесие и теперь летела спиной вперед, сшибая всех на своем пути. Полная шныровского благородства, Рина попыталась ее поймать. Законы физики, как всегда, оказались сильнее благих намерений.

Рина сидела на полу автобуса. На коленях у нее устроилась шестипудовая женщина.

– Прости, детка! Я, кажется, упала! – сообщила она очумелым голосом.

– Ничего страшного! – ответила Рина, отплевывая лисью шерсть. – Это вы меня простите! Я покусала вашу шапку! Надеюсь, она не взбесится!

Вскочив, Рина бросилась к окну и стала смотреть, что произошло. Она увидела, что автобус столкнулся с черной иномаркой, которой вздумалось повернуть со второй полосы. Возможно, иномарка и успела бы, но ей помешал гололед. Тяжелый автобус протащил ее метров десять, и теперь обе машины застыли недалеко от входа в торговый центр.

На глазах у Рины молодой строго одетый мужчина – по виду водитель или охранник – распахнул заднюю дверцу автомобиля и, извиняясь, что-то стал объяснять. Скорее всего его прервали, потому что он быстро отступил и выпрямился. Из машины вылез высокий сутуловатый человек и недружелюбно уставился на небо, осыпавшееся перхотью мелкого снега. В руках он держал самый нелепый предмет, который может понадобиться в Москве в феврале, – громоздкий зонт с загнутой ручкой. Сунув зонт под руку, мужчина повернулся к автомобилю и помог выбраться странной худой девушке. Она казалась младенцем во взрослом теле. На застывший рядом автобус, на торговый центр и на подбегавших к ним людей она смотрела с вопросительным недоумением новорожденного, для которого нацеленный на него автомат и бабочка – раздражители примерно одного рода.

Один из подбежавших что-то спросил. Человек с зонтом досадливо дернул головой. Его охранник с угрозой сунул руку во внутренний карман, и всех жалельщиков как ветром сдуло. И так уже ясно было, что никто из пассажиров иномарки не пострадал.

Рина стояла у окна, надежно скрытая наклеенной на стекло пестрой пленкой с рекламой йогурта, и с жадной недоверчивостью всматривалась в человека с зонтом, охранника и их спутницу. Последние сомнения исчезли. Перед ней стояли Эля – исчезнувшая девушка с фотографией Мамаси, грозный глава форта ведьмарей Долбушин и его охранник Андрей.

Пока Рина соображала, что ей делать дальше, Долбушин критически оглядел свой автомобиль, убедился, что продолжать движение он не может, и решительно зашагал к торговому центру. Андрей двинулся было за ним, но глава форта нетерпеливо махнул зонтом. Охранник неохотно вернулся к машине и, вытянув ноги, сел на капот.

Элю глава форта вел под локоть, как тащат людей, чьей способности верно определять дорогу не доверяют. Да и вообще на свою спутницу Долбушин почти не смотрел. Он и заботился о ней, и одновременно немного ею брезговал. Лицо у Долбушина было холодное, заранее отталкивающее всякое сочувствие, всякое теплое к себе отношение.

Водитель автобуса, наконец, догадался открыть двери. Метро было рядом – до остановки они не дотянули каких-нибудь ста метров. Рина выскочила и, держась в отдалении, последовала за Долбушиным. Следить за ним было несложно. Через каждые несколько метров Эля

останавливалась, показывала пальцем на голубей, на собачек, садилась на корточки и вообще вела себя, как совсем маленькие дети. Долбушин раздраженно дергал ее за рукав, и они шли дальше.

Рина скользила в толпе за Долбушиным. Идти со скоростью тащившейся Эли было непросто, и она то притворялась, что говорит по телефону, то наклонялась, чтобы потуже затянуть отлично завязанный шнурок. В голове у нее, как пластинка, крутилась фраза Кавалерии, как-то случайно оброненная в разговоре:

– Надо понять суть его форта, тогда поймешь и суть Долбушина. Это форт активных, думающих, даже временами добрых людей, привыкших к тому, что в мире нет правды. Или считающих, что каждая правда выдумана кем-то и с какой-то целью.

– А если сказать им, что в мире есть правда? – с надеждой спросила Рина.

Ответ был кратким.

– Для них это будет только твоя правда. Ничего больше.

Эля более-менее слушалась своего проводника, пока не увидела в витрине газетного киоска кошку. Кошка лежала на журналах, тянулась лапами и показывала живот. Кошка подействовала на Элю как магнит. Она вывернулась у Долбушина из рук и прилипла к киоску. Рине показалось, что Долбушин сейчас придушит кошку. А заодно и девчонку. Вместо этого глава форта достал телефон, набрал номер и что-то коротко приказал. Потом подхватил Элю под локоть и решительно потянул ко входу в торговый центр.

Рина сообразила, что Долбушин вызвал новую машину, а пока она едет, собирается ждать с Элей в тепле. Рина бросилась к вертящимся дверям торгового центра, прокрутилась в них и, вырвавшись с другой стороны, поняла, что потеряла их из виду. Занервничала, метнулась в одну сторону, в другую.

В торговом центре царило вечное лето. Мраморные ноги джинсового павильона обвивал виноград. Перед входом в японский ресторанчик прохаживались два одетых самураями узбека. Электрический водопад трудолюбиво переливал подкрашенную воду. Внезапно Рина обнаружила Долбушина. Вместе с Элей он поднимался на эскалаторе и был уже так высоко, что Рина видела только блестящие ботинки и край зонта. Вскоре она нагнала их и пожалела главу ведьмарского форта. Путешествовать с Элей по торговому центру Долбушину было непросто. Перед каждым бутиком она надолго застревала, а в магазине игрушек зависла на целых полчаса. Долбушин нетерпеливо постукивал зонтом по плитке, наблюдая, как Эля поочередно обнимается с семью набивными гномами и упрямо пытается вгромоздиться на дорогущие пластиковые качельки.

К Долбушину подбежала продавщица. Негодование заставляло ее подскакивать. Для внушительности она усилилась пожилым охранником, на пояс которого было навьючено столько наручников, электрошоков, дубинок и баллончиков, что со стороны это напоминало туземную юбку.

– Мужчина! Эти качели для детей до трех лет!

– Я не обязан знать о качелях все. Это ваша работа, – холодно ответил Долбушин.

Продавщица перестала подпрыгивать.

– И что ваша дочь в семь раз больше этих качелей, вы тоже не видите?

– Ваш мозг плохо определяет пропорции. Не в семь, а в два. Кроме того, данные, доставляемые органами зрения, субъективны, – отвечал глава форта голосом, близким к ледяному.

Послышался треск. Эля сидела на полу и капризно грозила кулаком оборвавшимся качелям. За ее спиной медленно заваливалось все пластиковое сооружение с часами, лесенкой и баскетбольным кольцом.

– Вам придется пройти на кассу!.. Михаил Леонидович! Проводите клиента! – голосом раненой птицы крикнула продавщица.

Пожилой Геракл схватился за свой устрашающий пояс. Он явно позабыл все инструкции и теперь терзался сложными муками выбора. Что ему делать, если Долбушин не пройдет на кассу? Свистеть в свисток? Пшикать баллончиком? Бить электрошоком? Заковывать в наручники? Рина ждала боевой сцены, мысленно озаглавленной: «Жестокое убийство охранника и продавщицы».

Однако, к ее удивлению, Долбушин преспокойно прошел вслед за продавщицей. Пока он расплачивался кредиткой, Рина выскочила из-за картонной женщины, застывшей в вечном восторге от обладания феном, и подбежала к Эле.

– Ты узнала меня? Бежим!

Эля оторвалась от созерцания карнавальных костюмов. Разноцветный бисер завораживал ее. Рина увидела два круглых детских глаза. В каждом зрачке жило по взволнованной Рине. Рины суетились, размахивали руками, но на дно сознания не пробивались.

– Это же я! Я! Помнишь лифт? Потом тебя украли из больницы! Не узнаешь?

Темная спина Долбушина шевельнулась у кассы. Рина схватила Элю за руку и потянула за собой. Делать этого не стоило. Резкое движение напугало Элю. Ее рот стал кривиться. Рина поняла, что сейчас будет. Дернув рукав, она коснулась ладонью сияющего *льва* на *нерпи*. Перебросила Элю через плечо и, ощущая себя горцем, умыкнувшим невесту, кинулась к лестнице. Запоздалый крик Эли размазался по этажу. Пожилой Геракл поймал Рину за запястье и метра полтора несся по воздуху, сшибая откинутыми ногами кадки с пальмами. В одной из этих кадок он в финале и остался.

«Двадцать секунд…» – пробормотала Рина.

Настолько хватит энергии *льва*. Потом ноша станет неподъемной, и Долбушин их нагонит. Рина ринулась к эскалатору, сгоряча промчалась несколько ступенек навстречу людскому потоку и тут только поняла свою ошибку. В торговом центре лифты поднимались наверх. Вниз надо спускаться по лестницам, причем не раньше, чем обойдешь этаж по кругу.

Возвращаться было поздно. За спиной Рина слышала дыхание настигавшего ее Долбушина. И она продолжала бежать по поднимающемуся эскалатору. Люди разлетались, как кегли. Некоторые успевали пригнуться и проскочить под ногами у Эли, которые, болтаясь в воздухе перед Риной, невольно стали теперь таранным оружием.

Сражение с эскалатором отняло у Рины драгоценные секунды. Она уже сбивалась с дыхания, когда ступеньки закончились, и, запоздало поняв это, она несколько метров пронеслась по этажу, смешно задирая колени. Обернулась. Долбушина на эскалаторе не было. Уверенная, что опередила его, Рина рванулась к лестнице, ведущей на первый этаж, и тут энергия *льва* иссякла. Произошло это так внезапно, что Рина не успела поставить Элю на ноги и, как черепаха, распласталась на полу.

– Отпусти меня, дуреха! – прохрипела Рина, с усилием выбираясь из-под нее.

Рина потянула Элю за рукав, пытаясь поднять ее, но та была тяжелая, как якорь. Упрямо сидела на полу и задумчиво переводила взгляд с правой ноги на левую, сравнивая их. Рина увидела, что на ней нет одного сапога.

– Тапосек… – выговорила Эля с трудом.

– Какой тапочек? Вставай! – закричала Рина.

– …ты потеряла мой тапосек! – строго договорила Эля.

На светлой плитке у эскалатора что-то темнело. Поняв, что без своего «тапоська» Эля с места не сдвинется, Рина бегом вернулась за сапогом. Схватила его, выпрямилась и…

…и именно в это мгновение ручка зонта, как крюк, сгребла Рину за шею и дернула назад. Боль была острой, сверлящей, страшной. Рина упала на колени, пытаясь вырвать из-за пояса шнеппер. Вырвала, повернулась к своему врагу и запоздало поняла, что шнеппер не взведен. Зонт клонил ее к земле, как телеграфный столб. Он был холодный и мертвый. Рина ничего не видела. Боль слепила ее. Она не различала даже ближайших витрин.

Неожиданно Долбушин выругался и отдернул зонт. Зрение медленно возвращалось к Рине. Вначале она стала различать цвета, потом формы. Опомнившись, направила в лоб главе форта разряженный шнеппер.

– Назад! Убью!

Долбушин послушно шагнул назад. Рина испытала восторг. Сам великий Долбушин испугался ее! Вот она, шныровская школа!

– Бросьте зонт! Зонт, я сказала! Живо!

Зонт упал с глухим стуком. Рина хотела схватить его и отбросить подальше от Долбушина, но тот быстро предупредил:

– Не смей! Он тебя убьет!

Рина послушалась, хотя и не поверила ему до конца. Долбушин смотрел на нее с непонятным, застывшим во взгляде мучением, которое сбивало Рину с толку. Она опустила было шнеппер, но сразу его вскинула, спохватившись, что это может оказаться ловушкой. В конце концов, он взрослый мужчина. Отвлечет внимание и выбьет у нее оружие. Интересно, он хоть заметил, что шнеппер не взведен?

– Я знаю, что у ведьмарей вы – шишка! Но для меня вы – никто! Нуль, шаманщик, двоюродный брат пустоты! Дернетесь – отправлю на зимовку! – крикнула Рина, ощущая, что голосу ее не достает уверенности.

Долбушин ошеломленно молчал. Рина напомнила себе, что молчание – знак согласия.

– Девушку я забираю с собой! Только суньтесь – шнеппер будет у меня под курткой!

«Двоюродный брат пустоты» равнодушно кивнул, но, когда Рина сделала осторожный шаг назад, он внезапно твердо сказал: «Нет». Рина заметалась, не зная, что ей делать.

– Как «нет»? Вы ее не отдаете?

Он пожал плечами.

– Не то чтобы не отдаю. Отбирать силой не буду.

– Тогда как?

Длинный подбородок Долбушина клюнул, как поплавок.

– Пусть выбирает сама. Для тебя я – никто. Может, я кто-нибудь для нее? – спросил он с неуловимым выражением.

– Это навряд ли. Зачем она вам?

Долбушин задумался.

– Когда-то у меня была дочь. Девочка «нет!» – сказал он, пристально глядя на нее. – Родители говорили: «Аня, лапочка, пошли гулять!» А девочка отвечала: «Не Аня не лапочка не пошли не гулять».

Рина фыркнула. Почерк знакомый. И чего он разоткровенничался?

– Ее звали Аня? Дурацкое имя! – сказала она с вызовом. Невозможно целиться в человека и не грубить. – И где ваша дочь сейчас?

– Неважно, – ответил Долбушин. – Зачем тебе Эля?

– Не ваше дело! Вы хоть знаете, кто эта девушка? – не удержалась Рина.

Долбушин ухмыльнулся. Так улыбаются люди у зубного врача, когда челюсти их в заморозке.

– И кто?

– У нее была фотография Мамаси! – выпалила Рина и спохватилась, что, увлекшись, сказала слишком много. Правда, она быстро успокоилась, напомнив себе, что имени «Мамася» в природе не существует. Пусть сколько угодно листает телефонную книгу или пробивает по милицейской базе.

На имя «Мамася» Долбушин не обратил никакого внимания.

– Значит, договорились? – спросил он.

Рина сделала еще один шаг назад и опустила шнеппер. Теперь он на нее не бросится. Они и так привлекали слишком много внимания.

– Договорились.

Она повернулась и быстро пошла к Эле. На половине пути вздрогнула и обернулась. А ну как Долбушин сейчас догонит ее и ручкой зонта ударит по затылку? Однако глава ведьмарского форта стоял все там же, не сдвинувшись ни на сантиметр. Даже зонта своего не поднял. И все так же непонятно смотрел на нее. Толпа вокруг них редела. Рина окончательно уверила себя, что глава форта ведьмарей ее боится.

– Не вставайте у меня на пути! – крикнула она.

– А ты взведи тетиву. Болтается, – сказал Долбушин.

Рина, на языке у которой вертелась еще пара красивых фраз, икнула и, втянув голову в плечи, подошла к Эле. Эля больше не сидела на полу. Она прыгала на одной ноге, не забывая откручивать лист у искусственного плюща. От усердия она даже высунула язык.

– Ну выбирай! Он или я! – мрачно сказала Рина.

Эля не стала выбирать. Она отвернулась и запрыгала к Долбушину.

– А ну стой!.. Куда ты? Он тебя тиранит! Таскает за локоть, как куклу! Унижает твое достоинство! – отчаянно крикнула ей вслед Рина.

Эля даже не обернулась.

Глава 4
Донна Жуава де Бурбон

Мне приходилось быть очевидцем, как на войне некоторые, боясь голодной смерти, брали с собой на спину мешки с сухарями, чтобы продлить свою жизнь, а не сражаться с врагом; и эти люди погибали со своими сухарями и не видели многих дней. А те, которые снимали гимнастерки и сражались с врагом, оставались живы».
О. Алипий[1]

«Маркиз дю Грац схватился за шпагу. Его давняя пассия донна Жуава де Бурбон, пудря нос, спешила укрыться за шторой. Черный человек ударил по шторам зонтом. Донна Жуава, бездыханная, повалилась через окно в розы. Алая подвязка на бледной ноге пылала, как бутон.

Черный человек с зонтом демонически расхохотался. Он бросился на маркиза дю Граца, но тот, ускользнув, набросил ему на зонт плащ. Удар плашмя по руке – и зонт упал на землю.

Обезоруженный черный человек заскрежетал зубами. Шпага маркиза дю Граца плясала у его горла.

– Вы не убьете безоружного! – поспешно сказал черный человек. Его пальцы, как пауки, крались к кинжалу.

– Так и быть: донну Жуаву я вам прощаю! Она врала, постоянно опаздывала и обижалась по пустякам! Но трех вещей я вам простить не могу! Первая: то, что вы родились. Вторая: вы встали на моем пути. Третья: вы оскорбили девушку, которой я покровительствую! Это донна Ринья де…»

В спину ее толкнули сумкой. Звякнули банки.

– Девушка! Вы выходите?

– Да чего там спрашивать? Все выходят, и она выходит!

Рину вынесли на платформу. Она стояла, поспешно застегивая куртку, и пыталась «включить реальность». Всю обратную дорогу от Москвы она расправлялась с Долбушиным и в общей сложности прикончила его раз шесть. Самой эффектной была смерть, когда пронзенный тремя рапирами и заживо поедаемый великанскими муравьями Долбушин обрушивался с Ниагарского водопада на плот с бочкой пороха.

Возвращаться в электричке в час пик – это кошмар. Ну а что еще делать, когда, захватив «Царевну-Лебедь», ведьмари отключили им *сирина* и перекрыли телепортации? Подмосковная станция жила своей обычной зимней жизнью. Бабка в тулупе на стащенной из супермаркета тележке возила четыре огромных термоса и продавала чай. Замерзшая Рина купила чай и стала греть руки о пластиковый стаканчик.

– Позвольте вам помешать! – раздался вежливый голос.

Она подняла голову. Увидела лиловый носик и лыжную шапку. Лет тринадцать-четырнадцать.

– Ну мешай! – разрешила Рина.

Лыжная шапка протянула палец и помешала у нее в стаканчике пальцем. Потом с хохотом отскочила к переходу через платформу, возле которого кучковалось еще пять или шесть таких же головотяпов.

Рине все сразу стало ясно. Собрались толпой и развлекаются, посылая друг друга «на задание». Кто посмелее идет, а другие смотрят и ржут.

---

[1] Цит. по: Архимандрит Тихон «Несвятые святые» и другие рассказы.

«Придурки! – подумала Рина, даже не пытаясь разозлиться всерьез. – Ну развлекайтесь, суслики, покуда хомячки не пришли!»

Настроение у нее было неожиданно хорошим. Рина даже не стала забиваться в автобус, в теплой духоте ехавший к центральной площади Копытово, и пошла пешком. Правда, вскоре пожалела об этом. Эта часть Копытово была застроена частными домами. На пустырях между ними, и особенно на бывшей овощебазе, жили десятки собак как абсолютно бездомных, так и «домных», но свободно шляющихся. Собаки неостановимо брехали. Они привязывались к прохожим и бежали следом, пытаясь ухватить за ногу. Успокаивать их было бесполезно. Всякое ласковое слово только убеждало собак в собственной значимости, и они брехали громче и громче, совсем заходясь от лая. Лаяли же обычно до того, что потом уже и лаять не могли, а лишь хрипло кашляли.

– Не трогайте их! – говорил обычно Ул. – У них – общественное мнение!

Собаки тащились за Риной метров четыреста, пока не отстали. Уже стемнело. Рина стояла в самом начале длинной прямой улицы, поднимавшейся на гору, и смотрела, как зажигаются фонари. Вначале по фонарям пробежала волна – от первого до последнего. Потом все разом они начали накаляться, меняя цвет от слабо-желтого, размытого, до ярко-белого и болезненного для глаз.

– Я в сказке! – сказала себе Рина и тотчас, проехав ногой на стеклянном гололеде, села копчиком на асфальт. Несколько секунд она просидела в глубочайшем недоумении и обиде на мир. Потом сказала себе: «А кто мне обещал, что в сказке не будет неприятностей?» – и продолжила свой путь.

Сашка ждал ее на полпути к ШНыру, у копытовских магазинов. Он стоял у сугроба и раз за разом погружал в него ботинок: чистил обувь.

– Горшеня упал! – сказал Сашка вместо приветствия. – Мы его поднимали: я, Ул, Яра и Афанасий. Кавалерия встревожена. Я слышал, как она говорила с Ярой.

– А что? Падать уже нельзя? – легкомысленно спросила Рина. – Я сегодня раза три грохнулась!

– Ты не связана с главной закладкой ШНыра. Целостность периметра нарушена. Главная закладка отдает периметру свою энергию и не успевает восстанавливаться.

У Рины испортилось настроение.

– Это из-за «Царевны»?

– Ну, не знаю. Может, и не только, – поспешно ответил Сашка.

Больше они об этом не говорили. Отвлекая Рину от самоугрызений, Сашка рассказывал, как кормил Гавра. Гавр подчистил пакет объедков и на радостях спустил Сашку кувырком с холма.

– Он с головой совсем не дружит, – заявил Сашка.

Рина вздохнула.

– Просто сил много. Он умнеет, когда ему грустно.

– Все умнеют, когда им грустно, – заметил Сашка. Порой он, сам того не замечая, изрекал великие истины.

У ограды ШНыра на свежем снегу синело огромное имя «Рина», старательно вытоптанное чьими-то ботинками.

– Твоя работа?

– Я писал «Марина», но «ма» стерлось, – не моргнув глазом, объяснил Сашка.

– Непросто ему было стереться. Буквы по два метра. – Рина перемахнула через забор, привычно спрыгнув в обратную сторону. Рядом с ней в сугроб плюхнулся Сашка.

– И кто такая Марина?

– О! Марина! – загадочно отозвался Сашка и по протоптанному коридору зашагал к ШНыру.

Отсюда уже просматривалась крыша корпуса. Высокая елка была наряжена разноцветными пакетами, носками и майками, в разное время выпадавшими из окон. Суповна, обходя корпус, собирала их и не без ехидства развешивала на елке, равномерно украшая каждую ветку.

Снега намело столько, что по обеим сторонам тропинки образовались ледяные брустверa. Со стороны казалось, что у Сашки нет ног и движется только верхняя половина его туловища. Рина стала догонять Сашку, толкать его в спину и требовала сказать, кто такая Марина. Не умевший врать Сашка путался в описаниях. Кроме того, обнаружилось, что он не знает, что означает «шатенка». Он, оказывается, думал, что «шатенка» – это от слова «шататься».

Глава 5
Куколка Жомочка

Я ожидаю от людей предсказуемости и нормальности. Но кто сказал, что я сам предсказуем и нормален?
Из дневника невернувшегося шныра

Было морозно. Под ногами скрипел снег. Кухонная девушка Надя шла в Копытово и вспоминала день, когда за ней приползла золотая пчела. Именно приползла. Это была уставшая, запыленная, полуживая пчела без крыльев. Что-то помешало им развиться. Невозможно представить, сколько пчеле пришлось добираться от ШНыра до маленького южного городка, в котором тогда жила Надя. Непонятно, как пчела переплывала реки, переползала поля и леса. Но все же она добралась. По дороге пчела стерла себе литое золото с брюшка, и усы ее жалобно обвисли.

Встреча Нади и пчелы не сопровождалась торжественным громыханием духовых оркестров и трескучими разрывами салютов. С громким визгом Надя плеснула на пчелу кипятком и от всей души ударила ее тапкой. Грустная пчела почистила лапками несуществующие крылья (инстинкт сохранился) и уползла под батарею думать о чем-то своем, неспешном и вечном.

А потом невероятными путями Надя очутилась в ШНыре и, отказавшись от нырков, к которым ее совершенно не тянуло, прочно обосновалась на кухне у Суповны. Порой она задумывалась, почему так и не стала нырять: потому что у пчелы не было крыльев или потому, что этих крыльев не оказалось у нее самой?

Надя добралась до Копытово и неожиданно свернула не к магазинам, а к почте. На деревянной двери с табличкой «**Почта России. Копытовское отделение № 1**» были оспины дроби. В глубине тускло отсвечивала пара свинцовых шариков. Лет десять назад почту пытались ограбить залетные товарищи, и с тех пор следы дроби заботливо сохранялись как местная достопримечательность. Набираясь храбрости, кухонная девушка Надя постояла на крыльце, на удачу потрогала оспины ногтем и заглянула внутрь.

– Вот мне тут бумажка на посылку пришла! Это к вам? – робко спросила она, уверенная, что это ошибка и ее сейчас прогонят. Но ее не прогнали, и вскоре Надя покинула почту с небольшой бандеролью в руках. Имя и фамилия были набраны на компьютере. В графе «Отправитель» значилась фирма, название которой ничего Наде не говорило. Какое-то ЗАО «Троянский конь», отдел почтовых рассылок.

Внутри бандероли обнаружилась маленькая куколка с добрым фарфоровым лицом и огромными распахнутыми глазами. Рот у куколки был приоткрыт. Казалось, куколка охает и непрерывно восклицает: «Да ты что!»

Надя решила, что куколка рекламная. Правда, не совсем понятно, что рекламируют, ну да какая разница? Куколка Наде понравилась. Голова и руки у нее были фарфоровые, остальное же тело мягкое, набитое ватой. Никаких инструкций к куколке не прилагалось, только на подоле юбки с обратной стороны было вытканно: «Куколка Жомочка посочувствует вашему горю и охотно разделит вашу радость!»

Вспомнив поручение Суповны, Надя купила в Копытово томатную пасту, специи, лавровый лист и кетчуп и, взглянув на часы, заспешила в ШНыр. Суповна всегда вибрировала, когда не могла вовремя начать готовить обед. Когда же вибрировала Суповна, то с ней вместе вибрировала и кухня, и все, кто имел несчастье на этой кухне находиться. Сегодня же настроение у Суповны было кошмарное.

– Ох, как колено крутит! – жаловалась она. – Прям на куски рассыпается костяшка собачья! И чего я, дура старая, на эту табуретку полезла? Да чтоб у него руки отгнили, кто ее делал! Чтоб у него глаза, у живого, сварились! Чтоб его бабушка гроб прогрызла!

Историю про табуретку Надя слышала раз триста. Много лет назад Суповне понадобилось что-то достать, и она встала на табуретку, не проверив, как обычно, все ножки. Одна из ножек подломилась, и, падая, Суповна ударилась коленом. Обошлось без перелома, но ушиб был сильный, и с тех пор Суповну временами начинали преследовать сильные боли. Она обкручивала колено бинтами и по три-четыре дня ходила с прямой ногой, ругая всех на свете.

Надя торопливо прошмыгнула мимо Суповны. На кухне у Нади был собственный трудовой закуток между громадным промышленным холодильником и окном. На окне пылал зимний цветок цикламен и стопкой лежали бумажки, на которые Надя даже смотреть боялась. Кулинарных книг Суповна не признавала, а рецепты выписывала крупным почерком на вырванных страницах и на полях газет. За десятки лет таких обрывков накопилось многие тысячи, и громоздились они бестолковыми пыльными стопками. Суповна никогда не могла ничего найти и устраивала жуткий ор.

Резать капусту было скучно. Еще тоскливее было поворачивать голову и видеть слева от себя двадцать кочанов, ожидающих своей очереди. Поэтому Надя предпочитала смотреть не на кочаны, а на куклу Жомочку, которой она несколькими ударами острого ножа вытесала в кочане капусты кресло.

Жомочка сидела, сложив на коленях фарфоровые ручки, и смотрела на Надю наивными васильковыми глазами.

– Ты представляешь, Суповна вяжет Кавалерии носки и называет ее просто «Валерочка»! Это ее-то! А Макар прет все, что плохо лежит! Сосиски из холодильника прямо на глазах уволок, я Кавалерии сказала, а она только плечиками так сделала: мол, приятного аппетита! Любит сложненьких, а на нормальных ей плевать! «Котел как грязный увидит – морщится!» – с негодованием сказала Надя кукле. Куколка Жомочка ничего не ответила, но Надя ощутила ее поощрение и участие.

«Не то что всякие прочие, которым что ни говоришь, они только морщатся и перебивают!» – невольно подумала она.

– А Фредка-то! Случайно узнала! Сама себе посылает эсэмэски: «Ты мне нужна!» И она же когда-то подписывалась на рассылки новостей в Интернете, чтобы хоть кто-то присылал ей письма! А еще корчит из себя, понимаешь!

Рот у куколки Жомочки был приоткрыт, а глаза распахнуты в поощряющем изумлении. Прямо душу грело такое внимание. «Да ты что!» – словно говорила Жомочка. Не собеседник, а воплощение мечты о собеседнике.

Глава 6
Шныровский сейф

Когда мне плохо, я теряю способность видеть ситуацию со стороны и рассуждать здраво. Мне представляется, что никто больше такой боли не испытывал, никого не окружали такие сволочи и ни у кого не было таких мучений. Чужие страдания кажутся мелкими, даже если разумом я понимаю, что у меня просто заноза в пальце, а у другого всю руку снесло. Но это же МОЙ палец и МОЯ заноза!

И еще: если попускаешь себе какую-то мелочь на чуть-чуть (например, чуть-чуть покричать или пожалеть себя) – всегда прорывается много.

Из дневника невернувшегося шныра

Кавалерия никогда не плачет. Она старается всегда быть занятой. Когда ты занят, у тебя нет времени думать о себе и ковыряться в своих вавках. И тогда годы становятся бессильными. Кого могут испугать седые волосы, когда последний раз в зеркало ты смотрелся мимоходом, спускаясь в лифте торгового центра, а потом еще подумал: «А! Так это же я! А я думаю: кто тут стоит?» Хуже всего ночью. Причем не всякой ночью, а спокойной, когда не болеют лошади в пегасне, когда все мирно и тихо. Когда ветер блуждает в соснах, на ели раскачиваются неснятые новогодние игрушки, а березовая ветка стучит в стекло, будто кто-то пришел. Вот и сегодня такая ночь. Кавалерия сидит за столом и рисует на бумаге линии и круги, которые ничего не означают. Память пролистывает свой альбом.

Калерии – тридцать пять. Ее сыну Руслану – тринадцать. На два года младше самого юного из сегодняшних шныров. Вместе они сидят за столом и смотрят, как по нему ползет крупная золотая пчела. На секунду останавливается у капли воды, соображая, с какой стороны ее огибать, а потом ползет прямо через каплю. Брюшко размазывает воду по полировке, оставляя тонкий след, похожий на нить паутины.

– Отдай ее мне! – просит сын.

Калерия вздыхает. Ее муж погиб год назад. Для сына она сняла в Копытово комнату. Во второй комнате живет тетя Паша – женщина тихая. Каждый вечер она выпивает в одиночестве бутылку дешевого вина и ложится спать. По квартире не ходит, не скандалит, гостей не зовет, приключений на свою голову не ищет, а утром просыпается и идет на работу. Порой Кавалерия пытается понять, зачем напиваться, если не испытываешь радости. Несколько раз у нее мелькала мысль, как было бы здорово, если бы тетя Паша получила закладку. Но потом она поняла, что тетя Паша внутренне не хочет меняться. Абсолютно устраивает себя такой, какая она есть. А раз так, то едва ли закладка ей поможет.

Конечно, Руслана можно было оставить с бабушкой – доброй и пухлой, состоящей из охов и блинчиков, но на это Кавалерия не пошла: избалованный блинчиковый пупс, не отлипающий от телевизора, ей не нужен. К тому же существует еще одна причина, которую суровая директриса тщательно скрывает: сына Кавалерия любит больше жизни. А порой ей кажется, что даже больше ШНыра.

– Отдай мне эту пчелу! Подари! – ноет Руслан.

– Ее нельзя подарить! Она сама должна тебя выбрать!

Но сын твердит одно и то же.

– Если не можешь подарить – тогда просто пусть она будет моя!

Кавалерия хлопает ладонью по столу. Подскакивает стеклянная ручка. Дрожит уцелевшая часть капли. Пчела, как ни в чем не бывало, продолжает ползти.

– Нельзя передать пчелу как наследство! Я не могу сделать тебя шныром! Таких случаев, когда мать и сын – оба были шнырами – история не знает!

Сына не волнует, чего там не знает история. Это ее сложности.

– Она узнает! – Он дергает верхней губой, которая у него коротковата. Из-за этого кажется, что Руслан постоянно улыбается. Или что рот всегда приоткрыт. Из-за этого в детстве ему вечно порывались удалять аденоиды. К счастью, его мать верит себе больше, чем врачам.

– Ты не можешь. Это особая пчела! О-со-ба-я! Ну в кого ты такой упрямый? – снова объясняет Кавалерия.

– В тебя!

– В меня? Да с чего бы! Я сущий ангел! – отрезает мать. Вместе они сидят и размышляют, в кого он такой уродился. Рабочих версий не обнаруживается. Сын шмыгает носом. Кроме аденоидов, у него аллергия на лошадей. Почему-то часто так бывает: если человек любит лошадей больше жизни, у него на них аллергия.

– Мне ее жалко! У нее сломано крыло! – говорит Руслан.

Кавалерия молчит. Вместе они разглядывают пчелу. Крыло у нее не сломано, но по неизвестной причине слиплось, сложившись вдвое. Рядом со здоровым оно выглядит обрубком, как у Икара. Когда золотая пчела, не понимая этого, начинает работать крыльями, ее закручивает на одном месте, и от стола она не отрывается.

– Слушай! – говорит Кавалерия. – Я не имею к этой пчеле никакого отношения! Я не директор над пчелами! Я вообще не понимаю, что она делает на столе! Если ты хочешь кого-то убеждать – говори с пчелой.

– Я с ней и так говорю! Это я ее сюда принес! – отвечает сын.

Кавалерия не верит.

– Ты принес сюда пчелу?

– Ну да! Я нашел ее у забора в ШНыре.

– Я же тебе запретила там топтаться!

Руслан осторожно обходит скользкую тему.

– Вид у нее был ужасно несчастный. Она не могла лететь, – добавляет он.

– И ты смог взять ее и принести?

Удивление и обида.

– А чего тут такого? – говорит сын. – Я вообще ее не брал, между прочим! Я положил на землю ладонь и сказал ей: «Иди сюда!»

– Сказал пчеле? И она пришла?!

– Ну, во всяком случае, приползла.

– Покажи! – требует Кавалерия.

Руслан пожимает плечами и протягивает к пчеле руку.

– Иди сюда!

Золотая пчела перестает вертеться на одном месте. Некоторое время она сидит, шевеля усами, а потом решительно ползет к его пальцу и взбирается на него. Кавалерия не верит своим глазам. Ее собственная пчела никогда не полетела бы на голос. Кавалерия вообще сомневается, существуют ли у пчел уши.

– Погоди! – говорит она быстро. – Стряхни ее! Не бойся, смелее стряхивай: не расшибется! Теперь иди на тот край стола и снова зови!

Сын сдувает с пальца пчелу и огибает стол:

– Эй, я здесь! Иди сюда!

Пчела разворачивается, шевелит усами, уверенно ползет к его пальцу и вновь начинает карабкаться. Кавалерия трет глаза.

– Странно, – недоверчиво говорит она.

– Что странно?

– Говорят, за всю историю ШНыра существовал всего один человек, на голос которого шла пчела.

– Я? – спрашивает сын. Скромности ему не занимать, хотя никто занимать и не пытается. Всем хватает своей.

– Митяй Желтоглазый, – отвечает Кавалерия.

Руслан хохочет. Имена первошныров он знает назубок, и они ему смешны. Только послушайте! Фаддей Ногата. Мещеря Губастый. Гулк Ражий.

– Перестань смеяться!

– Я не могу перестать! Ты очень забавная! Особенно когда делаешь вид, что злишься, хотя на самом деле совсем не злишься!

Суровая Кавалерия прячет улыбку. Когда дело касается сына, у ежика исчезают все колючки.

– Кто, я? – возмущается она. – Зато у меня… все в порядке с логикой вещей!

Тогда эти слова были произнесены в первый раз. Всякие слова когда-то произносятся впервые.

Память закрывает свой альбом. Кавалерия спит. Часа через три встает, быстро приводит себя в порядок и выходит в коридор. У нее лекция, которую пропускать нельзя, потому что потом народ уже не соберешь. В аудиторию она вошла тихо, и ее никто не заметил. Десять новичков, недавно вернувшихся из пегасни, занимались каждый своим делом. Лара «звонькала» кому-то из кавалеров и смеялась тем волнующим, немного искусственным смехом, каким никогда не смеялась, когда ей действительно бывало весело.

– Это кто? – шепнула ей Фреда.

– Как кто? Нескромный вопрос! Это Сержик… политик и бизнесмен! – небрежно объяснила Лара, зажимая пальцем динамик.

– Ага, ты рассказывала! Не тот самый, у которого точка продажи кошачьего корма на рынке? Ну он еще собирает подписи для партии любителей собачек? – громко спросила Фреда, пользуясь тем, что палец Лары отлип от динамика. Трубка озабоченно притихла. Лара сделала страшные глаза и, погрозив Фреде кулаком, продолжила торопливо смеяться.

Кирилл шептался с Леной. Это было очень одностороннее шептание. Он размахивал руками, хихикал, подскакивал. Натуральная муха, жужжащая вокруг Спящей Красавицы. Лена слушала его, лениво переплетая толстенную косу.

Рина давно заметила, что у Кирилла с Леной особые отношения. Особые потому, что нарушают привычную схему ухаживаний Кирилла, которая состоит в том, что он повторяет за девушкой все, что говорит она. «Погода чудесная». – «Чудесная». – «А вчера была отвратная». – «Отвратная». – «Машка такая идиотка, правда!» – «Правда!» – «Ты меня проводишь?» – «Проводишь». – «А любишь?» – «Любишь».

– Слушай! А тебе самому не надоело? – как-то спросила Рина.

– Надоело, – согласился Кирилл. – Но этот способ лучший. Во-первых, можно не напрягать извилины. Во-вторых, вообще не слушать, что она несет. В-третьих, у девушки создается впечатление, что ты понимаешь ее, как никто.

– А что ты свин, девушка не может разобраться?

– Редко, потому что она же находится в экстазе от непрерывного болтания! – заметил Кирилл. – Да и мозг, опять же, нужен, чтобы разобраться! А меня могут выносить или девушки,

у которых мозга сроду не было, или Лена. Но за ней почему-то повторять не получается. Она все больше молчит.

Остальные юные шныры тоже не сидели без дела. Алиса всех презирала. Всякий, взглянувший на нее, должен был навеки ощутить себя ничтожеством, вот только никто на нее не смотрел. Даня пытался вспомнить, чем *гастрафат* принципиально отличается от *палинтона.* Вечно голодный Макар ел подсоленый хлеб, закрывая рот рукой. Влад Ганич сравнивал пуговицы на рукавах пиджака. Сашка незаметно набивал кулак о стену. Рина рисовала маркиза дю Граца, от которого улепетывал сутулый человек с зонтом.

– Доброе утро! – отчетливо произнесла Кавалерия.

Ее приветствие заставило народ очнуться. Сашка перестал бить кулаком по стене, а Макар – жевать. Кавалерия подошла к окну и, счесав монетой лед, стала смотреть на улицу. Перед ШНыром, смешно растопырив руки, стоял Горшеня. Стоял уже давно. На голову ему ветер намел сугроб.

Кавалерия смотрела на Горшеню, а Рина – на Кавалерию. Рине вспомнилось, как в сентябре во время сильного дождя Кавалерия пряталась под кленом и держала Цезаря под уздцы. Холодные струи пробивали листву насквозь. Цезарь вздрагивал и, как мокрая ворона, встряхивал крыльями. Ему было неуютно, тревожно. А Кавалерия задирала к небу лицо, улыбалась, и по очкам у нее текла вода.

– В последние годы золотых пчел вылетало из улья все меньше. Много шныров погибло, еще больше – переметнулось к ведьмарям или просто ушло. Закладок достается меньше. Как следствие – мир хиреет и заболачивается, – сказала Кавалерия.

Класса она не замечала и говорила скорее для себя. Да и вообще, если разобраться, Кавалерия не любила никого учить. Одна из любимых ее фраз была: «Чем больше я даю информации, тем меньше у вас останется в голове в результате этой информации!» И другая похожая: «Истинное знание не приходит от слов, а только уходит».

– И какая мысль? Типа: все марш служить человечеству? – вызывающе спросила Фреда.

Кавалерия строго взглянула на нее, однако на Фреду суровые взгляды не действовали. Она лишь фыркала, как норовистая лошадь, и таращила глаза.

– Для начала послужи ШНыру! В ближайшее время каждому из вас предстоит решить: готов ли он к первому нырку. Самому сложному, потому что первый нырок – это поединок с самим собой.

– То есть мы уже можем нырять? – недоверчиво спросила Фреда.

– Сомневаюсь. Все, чему Меркурий вас выучил, это крепко сидеть в седле. Но другого выхода нет. Шныр исчерпал все резервы. Средние и старшие шныры ныряют с полной загрузкой. Если увеличить ее хотя бы немного – люди начнут разбиваться или сходить с ума. Вы, хотя это и пафосно звучит, наша последняя надежда.

– Встречное предложение! А если немного уменьшить количество нырков? Не в плане сокращения, а в плане минимализации? – как всегда запутанно предложил Даня.

Косичка Кавалерии раздраженно дернулась.

– Исключено! Уменьшать число нырков нельзя, особенно сейчас. Каждая новая закладка приносит в наш мир немного энергии с *двушки*, которая поддерживает главную закладку Зеленого Лабиринта. Раньше это делали охранные точки… А теперь посмотрите на Горшеню! Едва ходит.

Рина была благодарна Кавалерии, что, говоря об охранных точках, та ни разу не посмотрела в ее сторону.

– А если я откажусь нырять? – тревожно спросила Алиса.

Рина отметила про себя, что об «откажусь» заговорила Алиса. Фреда, как ни фыркала, от нырков почему-то не отказывалась.

– Твоя золотая пчела – твой выбор, – спокойно сказала Кавалерия. – Но все же надеюсь, что среди вас окажутся хорошие ныряльщики. Хотя бы два-три. Мы с Меркурием в том возрасте, когда умные хозяева уже продают рабов. На вид они еще крепенькие, но постепенно перестают быть рентабельными. Скоро ШНыр достанется тем из вас, кому он нужен и кто сможет его взять. Наша жизнь – это проверка на вшивость. Причем фактически сплошная!

Рина смотрела на Кавалерию с испугом. Она думала, что никогда не смогла бы сказать такое про себя.

* * *

Вторую пару должен был вести Вадюша, но Вадюша болел, и его заменял Ул, не любивший торчать в аудитории. Как следствие, следующие полтора часа Макар, Сашка, Алиса, Даня и Рина улепетывали по ШНыру многоногой каракатицей, за которой с пластиковыми бутылками в руках гналась другая многоногая каракатица – Кирилл, Лена, Влад, Лара и Фреда. У каждого в пятерке нога была пристегнута ремнем к ноге соседа, и, когда падал один, с ним вместе валились и остальные.

В первой пятерке тормозящим звеном была демонстративно антиспортивная Алиса, во второй – патологически упрямая Фреда, прикованная между Владом и Кириллом.

Ул шел впереди и, сунув руки в карманы, покрикивал:

– Шныровские пятерки должны держаться вместе! Мы в одном танке! Механик-водитель не радуется, когда наводчику отрывает голову!

– Господа! Почему пятерки? Это устарело! Спецназ ходит тройками. Они мобильнее! – заявил Даня.

– Этот вопрос ты задашь препам, – терпеливо объяснил Ул.

– Каким еще препам?

– Препы – это которые даватели, – морщась от головной боли, объяснил Ул. – Умоляю, гений: молчи и топай! Я недавно из нырка. У меня сегодня низкая пропускная способность на слова.

Вскоре стало ясно, что первая пятерка уходит в отрыв. Ее не задержало даже падение Алисы, которая начала орать, что ремень режет ей ногу, и демонстративно уселась на паркет. Но в этот момент Лара, доведенная до белого каления биологическими шуточками Макара, запустила в него пластиковой бутылкой и заработала двадцать штрафных отжиманий, потому что оказалось, что бросать бутылки нельзя. Особенно в голову. Особенно с воплями. Особенно товарищу по ШНыру, который завтра, возможно, будет прикрывать в бою твою спину.

– Так мы их никогда не догоним! – заявил Кирилл. – Мы друг другу мешаем. Надо на «раз» шагать левой ногой, а на «два» – правой.

– Лучше прыгать! – заспорила Фреда.

– Можно и прыгать! Только синхронно! – легко согласился Кирилл.

От удивления, что ей уступили, Фреда зачерпнула легкими воздух. Она привыкла быть в оппозиции. А тут, получается, ее лишали любимого занятия.

– Нет уж! – сказала она Кириллу. – Лучше шагать! Раз-два! Раз-два! Топай давай к своей мамочке!

С мамой Кирилла обе пятерки новичков ухитрились познакомиться месяц назад на его дне рождения, который праздновали в кафе недалеко от метро «Выхино». Кирюша на маму походил не особенно, разве что узнаваемым носом с горбинкой. В остальном же она была гораздо плотнее, шире в плечах, с огненно-рыжими, почти красными волосами. Двигалась она решительно, поминутно дергала Кирюшу за рукав и, когда видела какого-то нового человека, громогласно спрашивала: «А это кто?» – «Алиса», – шепотом отвечал Кирюша. «Мне это имя

ничего не говорит! – отвечала мама. – А это кто?» – «Рина!» – «И что? Она тебе что-нибудь подарила?»

Надо отдать ему должное, Кирюша вел себя стоически. Улыбался, мамой гордился и не оскалился даже тогда, когда она, послюнявив палец, стала стирать с его щеки «какую-то бяку». («А ну, стой смирно! Я мама, а маме можно!»)

– Раз-два! Раз-два! – кричала Фреда, размахивая бутылкой.

Видя, как бодро шагает вторая пятерка, Ул решить усложнить задание.

– А ну, стой! Поворачиваем к лестнице! – заорал он.

– Господа! Но это лестница в подвалы! – заявил Даня.

– Да? Вот чудо! Былиин! Неужто в подвалы? А я и не знал! – удивился Ул. – Поворачиваем!

Через несколько лестничных пролетов вторая пятерка настигла-таки первую и принялась колотить ее пластиковыми бутылками. Первая пятерка сопротивлялась вяло. Она отдирала от перил Алису, которая кусала всех за пальцы. Закончилось же все тем, что Сашке надоело, что его и Рину бумкают бутылками, и он дернул Влада Ганича за голень. Обе пятерки скатились по ступенькам и, окончательно перепутавшись, прекратили возню.

– Развязываемся! – великодушно заявил Ул. – На сегодня хватит! Кто там у меня ремень забрал? Вертайте его взад!

– Ну что, поднимаемся? – спросила Рина.

Ул молчал, задумчиво поглядывая на спускавшиеся вниз ступени. Заметно было, что он колеблется.

– Фигуса с два поднимаемся! Есть тема. Кто хочет посмотреть одно местечко? Только, чур, не палить меня Кузепычу и Кавалерии! Ладушки?

– Ладушки у бабушки! – ляпнула Фреда.

По узкой лестнице приходилось спускаться в ряд. Алиса после сотой ступеньки принялась жаловаться, что у нее отваливается все подряд, особенно ноги, руки и внутренности. Потом ступенек на триста забыла об усталости и начала ныть, только когда у нее участливо спросили: как она, ничего? Макар задумчиво щупал мощную кладку. Даня вслух рассуждал, какой длины может оказаться нижний тоннель и не соединяется ли подземелье с Московским метрополитеном.

– Куда чего ведет – это к Роде, – ответил Ул.

– А вы с Ярой не?..

– Нам хватает неба.

– Но ведь первые шныры зачем-то выкопали эти катакомбы?

– Первые шныры много чего делали. Мы и трети того не знаем, что было для них в порядке вещей, – кратко ответил Ул.

Даня втянул голову в плечи, чтобы не цеплять макушкой низкий потолок. Молчать ему было скучно, бесконечно спускаться тоже скучно, и, заметив, что Рина тайком достает шоколад, он предложил:

– Спорим на шоколадку, что ты не сможешь повторить простого русского слова?

– Идет. Давай его сюда! – согласилась Рина.

– НИИОМТПЛАБОПАРМБЕТЖЕЛБЕТРАБСБОМОНИ МОНКОНОТДТЕХСТРОМОНТ, – выпалил Даня на одном дыхании.

Рина моргнула, заблудившись где-то на пятом слоге.

– Чего это за бред? Ты хоть знаешь, что это значит?

– Конечно, знаю. Научно-исследовательская лаборатория операций по армированию бетона и железобетонных работ по сооружению сборно-монолитных и монолитных конструкций отдела технологии строительно-монтажного управления, – сообщил Даня, беззастенчиво отбирая у нее шоколад.

Вскоре они добрались до тоннеля, выложенного крупной брусчаткой. Здесь было темно, и Ул отправил Даню с Кириллом на лестницу за негаснущими факелами. Макар тоже рвался с ними, но Ул его притормозил, опасаясь, что тот найдет что поджечь даже во влажном подземелье.

Пока они отсутствовали, Ул стал ругать Кузепыча, который не подумал о нормальном электрическом освещении подвала. Влад Ганич тоже попытался вякнуть что-то про Кузепыча, но Улу это неожиданно не понравилось.

– А вот этого не надо! Развел тут критику высшего разума! – сказал он и назначил Владу десять отжиманий. Тот неохотно повиновался.

– А тебе можно ворчать?

– Мне можно. Я сам, чудо былин, начальство! А то сегодня ты Кузепыча ругаешь, завтра Родю, а послезавтра меня! Понимаешь: МЕНЯ!!! – и, накрутив себя таким образом, Ул добавил Владу еще десять «супержаб».

«Супержаба» – это было вдвое хуже отжиманий, поскольку предполагало выпрыгивание из положения приседа и хлопок руками над головой. Когда Влад Ганич «родил десять супержаб» (копирайт Ула), вернулись Даня с Кириллом. Ул взял у Дани факел, отбежал немного, присел на корточки и, вытянув руку, что-то осветил. Все увидели лестницу, настолько узкую, что по ней пришлось бы спускаться если не совсем боком, то выставив вперед плечо. Ступеней через восемь угадывалась старинная деревянная дверь, окованная металлическими полосами.

– Надеюсь, нам не сюда? – отдышливо спросил Влад Ганич, не отдохнувший еще от «супержаб».

– Ага, в смысле угу! Это то самое место, где Митяй Желтоглазый работал над дополнительными фигурками к *нерпи*. Ну, кто хочет посмотреть?

В голосе у Ула Сашка уловил знакомую интонацию. Похожие голоса были у парней в секции, когда новичка невинно просили открыть кран в умывалке. Откуда бедолаге было знать, что после самого легкого поворота из сломанного крана с жутким гудением вырвется струя ледяной воды?

Сашка хотел отказаться, но скосил глаза на Рину и решил рискнуть. Сбежал по лестнице, попытался взяться за круглое металлическое кольцо двери и… не смог. Ощущение ребенка, который тянется к солнцу и вроде как должен, по всем прикидкам, его коснуться, но все никак не коснется. Бежит за стулом, встает на него – и снова ему кажется, что до солнца осталось совсем чуть-чуть. Сашка старался раз за разом, но рука зачерпывала пустоту. Самое обидное, что дверь не была призрачной. Сашка видел следы кузнечного молота на кольце и трещины рассохшегося дерева. Сверху его подгоняли нетерпеливые голоса. Он зажмурился и наудачу шагнул вперед. Ничего. Открыл глаза, побежал и – опять остался на месте. Сдавшись, Сашка попытался вернуться к остальным, но и этого не сумел. Бежать он мог, но с места почему-то не сдвигался. Так и торчал на узенькой площадке, залипнув непонятно в чем, что и держало, и не держало его в одно и то же время.

– Чего ты копаешься, сурок? Давай я! – нетерпеливо крикнул Макар.

Не дождавшись ответа, он скатился вниз, плечом вдавил Сашку в стену и попытался пнуть дверь. Дверь не мешала ему себя пинать, но и не помогала. Макар так до нее и не дотянулся.

– Во, курва! Ща я ее с разбега сделаю! – Макар рванул наверх, но налетел на спускавшегося Даню, горевшего желанием научно разобраться в ситуации.

Видя, что трое уже внизу, к двери Митяя Желтоглазого спустились и остальные, кроме Ула и Лены, оставшихся наверху. На площадке стало тесно. О том, что по лестнице подняться невозможно, знал пока один Сашка, но помалкивал. Остальные считали, что мешают друг другу. Они лезли, застревали, толкались. Макар отдавил Алисе ноги. Даня, чьи локти требо-

вали вертолетного размаха, заехал Макару в переносицу, после чего три раза попросил прощения.

Потом Даня повернулся к Улу.

– Позвольте проявить любопытство, если, конечно, вопрос окажется в пределах вашей осведомленности и не за рамками нашей компетентности? – спросил он без малейшей задержки в речи. Видимо, Даня и мыслил так же, как и говорил.

– Валяй, любознательный ты мой! – разрешил Ул.

– Почему мы не можем прикоснуться к двери?

Ул со щелчком открыл здоровенный нож и, зажав край кожи зубами, подрезал себе заусенец на пальце. Это было сделано таким лихим движением, что Рина забеспокоилась, не отмахнет ли он себе нос. Нос, однако, уцелел.

– Дверь сделана из дубовых досок. Дуб рос между первой и второй грядой. Перед первой, как показывает практика, в основном сосны, – ответил Ул.

– Но только прикоснуться…

– Не смогли, потому что не заслужили! – Ул отплюнул заусенец. – Принцип *двушки*. Все действительно стоящие вещи не покупаются, не воруются, а заслуживаются.

Даня покосился на дверь.

– Дверь строго для своих… хорошая штука. А за ней что-то ценное? – уточнил он.

– Можешь не сомневаться, – заверил Ул.

Он сел на камни, опустил подбородок на колени и стал ждать. Постепенно вопли прекратились. Застрявшие на нижней площадке пытались вылезать по очереди, пробуя то боком, то спиной, то большими прыжками. Результат был нулевой. Временами кто-нибудь падал и оказывался у всех под ногами.

– Это негуманно! – проорала Фреда, когда ей наступили на ухо.

– Гуманность – это от слова «гумус»! Гуманно будет, если вы доживете до следующего года! – оборвал ее Ул.

Лена нашла тихий закуток, преспокойно села и продолжила вязание крючком. Вязала она что-то длинненькое, вроде шарфа, до поры до времени прятавшееся в пакете. Остальные, не наделенные способностью прессовать время в упругие петли занятости, орали друг на друга, пытаясь вырваться. Ул выждал, пока новички перестанут голосить и более-менее внятно попросят его о помощи. Потом крикнул вниз:

– Сашка, кончайте метаться! Это все без толку! Возьмите с Макаром Даню и тащите его! Кирилл и Влад! Волоките девчонок!

– Как волоките?

– Чудо, былин! Да как хотите! На ручках, на плечиках! Только не башкой об ступеньки! Лестнице пятьсот лет!

Сашка и Макар подхватили Даню и, спотыкаясь, ибо он был возмутительно протяженный, поволокли его по лестнице. Тащить Даню было тяжелее, чем холодильник. Холодильник не жалуется и не дает болтливых советов по своей переноске. Сгрузив Даню рядом с Улом, Сашка поспешно вернулся за Риной и отнял ее у Кирилла, пытавшегося взвалить девушку на плечо.

– Это мой мешок картошки!

– Да без проблем! – кивнул Кирилл и подхватил на руки Фреду. – Только не подумай чего-нибудь лишнего!

Фреда презрительно хокнула.

Вскоре все новички стояли рядом с Улом. Тот выглядел не слишком довольным. Ему явно хотелось, чтобы они просидели перед дверью недельку.

– Почему дверь нас отпустила? – спросил Сашка.

– А самому подумать – напрягаться неохота? Потому что вы не сами поднимались, а кого-то тащили.

– Делали что-то для кого-то! Вот гадство! Это же элементарно до тупости! – простонала Рина.

Ул ухмыльнулся.

– Ага, в смысле угу! Ну так че ж сами не вылезли, если просто? – спросил он ехидно.

Неожиданно во мраке коридора вспыхнул светящийся желтый карандаш. Одним концом карандаш был таинственно закреплен в воздухе, другой же его конец, то укорачиваясь, то удлиняясь, недоверчиво щупал темноту. Прошло несколько секунд. Карандаш перестал быть карандашом, а стал просто рассеянным лучом света, бившим из чьей-то *нерпи*. По тому, как луч по-крабьи раскачивался, делая одышливые паузы, Рина определила, что это Кузепыч. Если бы луч двигался решительно и собранно – это была бы Кавалерия. Если бы светил в пол, изредка всплескивая, чтобы лишний раз себя не выдать, – Меркурий.

– Гасите факелы! За мной! – Ул рванулся к лестнице, но луч уже уперся в грудь его шныровской куртки.

– Попадалово! – прошипел Ул, останавливаясь.

– Ул! Подойди сюда! Тебе разрешали проводить занятия в подвалах? – раздался сердитый голос Кузепыча.

Ул обреченно потащился к нему. Что выговаривал ему Кузепыч, было не разобрать. До новичков долетали отдельные «пни» – грустные, еловые, подмигивающие и самая грозная и убийственная разновидность пней – якорные пни. Ул, оправдываясь, пожимал плечами. Раскрытые пальцы его ладоней покачивали воздух, точно успокаивая его, а вместе с ним и Кузепыча.

Рина не выдержала и, воровато коснувшись *русалки*, усилила звук.

– …шныровский сейф… Ты хоть понимаешь… А если кто-то… – услышали они.

– Да не, они нормальные ребята! Чудо, былин! Да разве я… – И вновь руки Ула начинали успокаивающе поглаживать воздух.

Глава 7
Черный человек темной ночью

Человек хочет верить во что-то полностью, несомненно. Так, как верит пес, который с закрытыми глазами прыгает с крыши, зная, что хозяин его поймает. Мрак до поры до времени поощряет в нас веру, а потом тыкает носом в несовершенства того, кому мы верим. Наша вера разбивается, и мы не верим уже никогда и ни во что.

Так вот: когда тебя что-то может остановить – это не вера.

Из дневника невернувшегося шныра

Они мчались в новом джипе Тилля. За рулем сидел сам Тилль. С ним рядом на переднем сиденье тщательно пристегнутый Долбушин зажимал между худыми коленями зонт. Сзади на мягком диванчике нетерпеливо подпрыгивал Дионисий Тигранович Белдо. Короткие, в золотых перстнях пальцы Тилля цепко сжимали руль. Водителя, проработавшего у него семь лет, глава форта берсерков лично выбросил из машины, стоило Белдо шепнуть ему, куда они едут. Когда они выехали из города, джип начало швырять на гололеде. Глава финансового форта ударился плечом о дверцу.

– Не гоните, как смертник, Тилль! Напрасно вы прогнали водителя! – сказал он.

– Тогда бы мне пришлось его убрать. А найти нового, который бы меня устраивал, не так просто! – Тилль неудачно вписался в поворот. Джип понесло навстречу длиннющему трейлеру. Трейлер заревел и, вихляя, вывернул на обочину. Они разошлись буквально на толщину волоса. Тилль вытер с лица пот. Долбушин отметил про себя, что, когда машину начало нести, глава всех берсерков держал руль одной рукой. Другой он вцепился в кабанью голову, висевшую на цепочке у него на шее.

– Как некстати этот дальнобойщик отвернул! Упущен отличный шанс разом сменить руководство всех трех фортов!.. – хладнокровно заметил Долбушин. Когда все происходило, сам он даже не зажмурился.

– Не трех, – сквозь зубы сказал Тилль, не отпуская кабанью голову.

– Ах да, простите: двух! Я забыл, что с этой свинкой вы неуязвимы, хотя обгореть, возможно, и пришлось бы.

– Тьфу-тьфу, Альберт! Что вы мелете? У вас черные губы! Не накликайте беду! – испугался Дионисий Тигранович и стал спешно искать дерево, чтобы по нему постучать. Дерева в джипе не оказалось, и Белдо ограничился тем, что постучал по обнаружившемуся у него в кармане карандашику.

– Карандаш не поможет! Он не соединен со вселенной пуповиной вечности! – с издевкой сказал Долбушин.

Старичок перестал стучать по карандашику и поймал отражение Долбушина в автомобильном зеркале.

– Вы сегодня всех задираете, Альберт. У вас что-то изменилось и все плохо? Если так – извольте: я благородно готов побыть вашим громоотводом, – промурлыкал Белдо.

Долбушин отвернулся и надолго замолчал. Час спустя джип Тилля свернул с шоссе на заметенную снегом дорогу, прорезанную колеей грузовиков. Ломая колею, Тилль проехал метров пятьсот и свернул к бетонной ограде.

– Навигатор говорит, что приехали! – буркнул он, щелкая толстым ногтем по экрану.

К ним уже бежал тощий, услужливый человек без шапки и в расстегнутой дубленке. Засуетился, открывая ворота, замахал руками и быстро перебежал к одноэтажному кирпичному зданию, оглядываясь и приглашая их за собой. Тилль доехал до крыльца. Разминая затекшие

спины, главы фортов покинули джип. Услужливый человек подскочил к ним и заметался ладонью, находясь в нерешительности, протягивать ему руку или нет. Он заметно нервничал.

– Что ж это вы? Руководитель, а сами ворота открываете? А кто же будет рукой водить? – дружелюбно пробасил Тилль, награждая его своей пухлой конечностью.

Ободренный рукопожатием берсерка, директор захихикал и полез здороваться к Белдо, но тот, извиняясь и покачивая ручонкой, сказал, что у него очень слабые пальчики. Что касается Долбушина, то к нему услужливый и лезть не осмелился.

– Я всех выгнал… всех выгнал… как вы и сказали… – поспешно сказал он.

– Похвально. Кто еще знает? – Тилль задумчиво оглянулся на джип. В правой звуковой колонке, как донес Долбушину один из осведомителей, у Тилля хранился многозарядный бельгийский пистолет. Глава форта берсерков не уважал шнепперы.

– Экскаваторщик и водитель самосвала.

Тилль перестал коситься на машину.

– И все?

– Ну, может, еще кому шепнули. Слухи-то быстро распространяются. Но вы не волнуйтесь! Все надежные ребята!

– Надежнее вас? – не поверил Долбушин.

Директор засмеялся, точно заблеял. Смеялся и переводил глазки с одного гостя на другого, пытаясь определить, кто из них самый важный. Белдо был сразу вычеркнут из списков. Директорская мысль колебалась между Тиллем и Долбушиным, медленно перевешивая в сторону Долбушина. Потоптавшись на крыльце, услужливая личность неожиданно повела их не внутрь административного здания, а к железным воротам гаража. Остановилась и, подбирая ключ, возбужденно заговорила:

– Тут история какая. У нас небольшое химическое производство. Делаем реактивы, удобрения, краску. С отходами, конечно, есть сложности. Отработанную воду сбрасываем в два отстойника. Еще есть третий отстойник, самый большой. Сейчас вот зима, промерзло все до дна. Мы решили лед распилить да и вывезти от греха. Проверки, бывает, наскакивают. Доковырялись до дна, стали ледяную плиту поднимать, а там, понимаешь, ноги…

Директор тревожно взглянул на Белдо. Старичок схватился за сердце и стал искать по карманам таблетки. Таблеток на нашел, но отыскал мятную конфетку и предложил ее директору. Тот замотал головой.

– Поначалу мы думали: кто-то из местных. Перемахнул, понимаешь, деятель спьяну через забор да и ухнул. Много ли поддатому надо? Хотели уже в полицию звонить, да дело-то скользкое, замотают… А тут смотрю: экскаваторщик бежит. Лица на нем нет! Кричит: «В соседнем кубе льда лошадь нашли… крылатую!» – директор уже привычно посмотрел на Белдо, как на самого сочувствующего.

Старичок послушно заохал, пугаясь новости о крылатой лошадке.

– Ну я пробил по Интернету, и сразу наткнулся на ваш исследовательский сайт!.. Вы что, действительно готовы заплатить триста тысяч долларов любому, кто… И каков порядок выделения средств? – голос услужливой личности вильнул.

– Про денежки – это вот к Альбертику! – прощебетал Белдо. – Я их сроду не держал! Они, как губка – напитываются отрицательной энергетикой всякого, кто держит их со злобой! Зачем мне чужие болезни, когда я и сам человек нездоровый?

Долбушин сдернул с плеча тощий рюкзачок.

– Порядок выделения средств упрощенный. Тридцать пачек по десять. Отрицательной энергетики не бойтесь – только что из банка… А теперь открывайте гараж!

Борясь между услужливостью и желанием заглянуть в рюкзак, директор отомкнул тяжелый замок. Вбежал внутрь, задел что-то ногой, зашарил по стене. Лампы дневного света про-

сыпались долго – вначале с голубоватым потрескиванием вспыхнула длинная в глубине гаража, потом – две короткие у входа.

На деревянных поддонах лежали два неровных ледяных куба. Лед был странного цвета – розовато-зеленый. Один куб был чуть больше человека. Другой – длинный и вытянутый – занимал сразу три поддона. Было заметно, что лед поначалу разбивали ломами, а потом, боясь повредить, пилили. В большом кубе с задранной мордой и неестественно подогнутыми ногами застыл вороной пег. Громадные крылья были изломаны. Перья ближайшего крыла вмерзли в лед совсем близко от скола.

– До ШНыра отсюда километров шестьдесят пять, – вполголоса произнес Долбушин. – Далековато он вышел из нырка!

– Я вас умоляю, не грызите мне нервы! Что такое шестьдесят километров? Двадцать минут лету… – Белдо жадно всматривался в окровавленную, с задранной верхней губой голову лошади. Она сохранилась не просто великолепно. Казалось, сейчас пег рванется, копытами разобьет лед и взлетит.

– Но, будьте вы прокляты, как?.. – изумленно начал Тилль.

– Специфика химического производства. Работает, как формалин. Мухи и те, извиняюсь, не разлагаются, – опуская глазки, пояснила услужливая личность.

Тилль поднес лицо к кубу, всмотрелся в изломы льда. Седло сидело как влитое. Из стремян уцелело левое. От правого болтался ремень.

– Ага… седельных сумок мы не уважаем. Значит, носим все с собой. Что ж, тоже правильно! – пробурчал глава берсерков и с кряхтеньем присел на корточки у соседнего куска льда.

Как ни толстокож был Тилль, но и ему стало не по себе. Он отшатнулся и выругался. Из куска окрашенного льда, совсем близко, на него смотрел человек. Смотрел ясно, смело и пристально. Лицо спокойное, с тонкими чертами. Не напуганное, лишь чуть искаженное оптическими изломами льда.

– Я угадал! Сумка у шныра! – пропыхтел Тилль.

– Не радуйтесь раньше времени. А вдруг у него ничего нет? – спросил Долбушин.

Тилль посмотрел на него взглядом пса, у которого пытаются отнять кость.

– А вдруг что-то есть?

– Кого-то он мне напоминает, этот красавчик… Может, мы встречались? Кто ты, мой чудесный? Что ты нам принес с *двушечки*? – подбегая к Тиллю, зашептал Белдо. Он протянул пальцы и сквозь лед гладил лицо юноши.

Это было так мерзко, что Долбушину захотелось ударить Белдо по пальцам зонтом. Чтобы этого не сделать, он отвернулся.

– Когда вы в последний раз спускали воду? – резко спросил он у директора.

Директор, через брезент рюкзака ощупывавший пачки денег, отдернул пальцы.

– Я перешел сюда работать семь лет назад… почти восемь… Лет за шесть до меня водоем чистили! Таким образом, получается от восьми до четырнадцати лет!

– Хорошенький разлет! То есть мы даже не знаем, сколько он там торчит! – с раздражением сказал Тилль.

Белдо восхищенно прижал руки к груди.

– Нет, знаем, мон ами!.. Знаем! Одиннадцать лет шесть месяцев и четыре дня!

Тилль перестал очищать сигаретную пачку от пленки.

– Откуда такая точность, Белдо? Звезды нашептали? – спросил он с изумлением.

Дионисий Тигранович смутился. Когда было необходимо, у беспомощного старичка, который не мог посчитать копеечки на пачку маргарина и всегда прибегал к помощи продавщиц, становилось очень хорошо с математикой.

– Ну это несложно… – сказал он, робкой улыбкой рождая на щеках ямочки. – Я узнал этого милого мальчика! Это сын Кавалерии. Он погиб одиннадцать с половиной лет назад. Для всех это было тако-о-е горе! Я так плакал, так плакал! Младочка и Владочка не дадут соврать!

Страдания Белдо никого не интересовали. Долбушин недоверчиво разглядывал юношу, о котором слышал, что он нырял далеко за Скалы Подковы.

– Трогать звуки руками. Видеть летающие цветы и поющие камни, откликающиеся на дыхание… Какая чушь! Кто в это поверит? – сказал он едва слышно.

Тилль деловито топтал толстым пальцем клавиши телефона. Не набрав до конца номера, раздумал, дал отбой и повернулся к директору.

– Шеф, тележку сделаешь? Нужна с закрытым кузовом.

«Шеф» расстарался и «сделал тележку» в рекордные сроки. Через десять минут у ворот уже сигналил грузовик. Директор лично уселся за рычаги складского погрузчика и помог разместить в кузове два покрытых брезентом ледяных куба. Наблюдательный Долбушин видел, что услужливой личности не терпится от них избавиться. Если прежде он нервничал, что не получит денег, то теперь нервничал по другой причине. Ему хотелось, чтобы странные «исследователи» поскорее убрались, забрав с собой труп в кожаной куртке и мертвую крылатую лошадь.

Они уже уселись в джип и тронулись, когда директор, успевший втихомолку сосчитать пачки и убедиться, что все без обмана, догнал их по глубокому снегу.

– Простите, пожалуйста! – задыхаясь, крикнул он. – А если я когда-нибудь еще… Мы тут скоро собираемся соседний пруд почистить!.. Вознаграждение не будет уменьшено?

– Ни в коем случае! Если что – сразу звоните! – успокоил его Долбушин.

Тилль смеялся так долго, что толкал животом руль и едва сумел выехать на шоссе вслед за крытым грузовиком.

– Прикормили придурка! Теперь он думает, что в каждом пруду у него окажется по неразложившемуся шнырику на крылатой лошадке! – с трудом выговорил он.

Белдо погладил себя по разрумянившейся щечке.

– Это ужасно, мон ами! Вот так и становятся охотниками за шнырами! Второго шныра с крылатой лошадкой он, понятно, не найдет. Но кто знает, не возьмет ли он однажды карабин и не засядет ли в лесу под Копытово? Причем будет глушить всех подряд: даже и тех, что возвращаются без закладок. А наш богатенький Альберт будет оплачивать его стрелковые опыты.

Тилль от хохота нажал животом на сигнал. Грузовик с тентом свернул на обочину, решив, что это просьба остановиться. Тилль обогнал его и, махнув в окно рукой, поехал первым показывать дорогу.

* * *

Утаить такую находку от Гая нечего было и думать. Это понимали и Белдо, и Долбушин, и даже не любивший делиться Тилль, в чьих загребущих лапах втихую сгинуло немало захваченных берсерками закладок. Крытый грузовик и джип, крутанувшись на «бетонке», взяли направление на Кубинку.

С водителем расплатились километров за десять до базы. Ледяные кубы перегрузили на высланный им навстречу грузовик с заляпанными грязью номерами. Пока перегружали, их обогнали две коневозки, из зарешеченных окошек которых грустно глядели конские морды. Начиная с осени, Гай натаскивал молодых гиел на живых лошадях, на спину которым закреплялось подобие крыльев.

Аккуратная асфальтовая дорога заложила петлю в лес. Снег был расчищен. У ворот безнадежной серой массой толпились психосные. Некоторые, у кого еще не закончилась доза, пританцовывали, полузакрыв глаза. Другие сидели на корточках и раскачивались. Им было плохо.

На них кричали, их прогоняли, ночью они нередко насмерть замерзали в лесу. Берсерки охраны били их, порой теряя терпение, стреляли, но псиосные все равно непонятно зачем притаскивались сюда, хотя и отлично знали, что ничего не получат. Лишь изредка Гай, расщедрившись, бросал им какие-то подачки, но это происходило очень нерегулярно.

Снизив скорость, Тилль поехал прямо сквозь толпу. Псиосные отскакивали. Пытались открыть заблокированные дверцы. Прилипали лицами к стеклам. Один запрыгнул животом на крышу, но глава форта берсерков газанул, и он скатился на асфальт. Долбушин мрачно разглядывал псиосных. Разумеется, он видел их и раньше, но только сейчас обнаружил, что среди мелькавших лиц встречаются девушки и младше Эли. Дионисий Тигранович поднял воротничок и натянул на лобик шапочку.

– Бедняжки! Ну как можно так себя не любить и не беречь? Не понимаю! – ужасался он.

– Да бросьте вы, Белдо! Живые трупы! Выжженные мозги! – прохрипел Тилль. – Все равно сдохнут меньше, чем через полгода. Послать бы дюжину берсерков и не со шнепперами, а с арбалетами и с боевыми топорами! Десять минут – и все чисто.

– Свежая идея! А как, интересно, берсерки будут отличать инкубаторов? Или ваши мальчики способны просветить каждого взглядом? – пискнул Дионисий Тигранович.

Тилль нетерпеливо ударил ладонью по сигналу. Строгие ворота открылись, и обе машины свернули к ангару. Над грузовиком с шипением и клекотом пронеслись две неоседланные гиелы – любимицы Гая. Одна из них даже запустила когти в брезент. Ее отогнали криками и автомобильными гудками.

– Чуют лошадку! – сказал Тилль.

Лед раздробили отбойным молотком. Тучный берсерк работал осторожно. Гай, чьи неразлучные арбалетчики цепочкой стояли у входа в ангар, кратко объяснил ему, что если он отсечет у шныра ухо – ему самому отрежут ухо. Если пострадает нос – отрежут нос. С пегом церемонились меньше. Тот же берсерк, расколов лед, разделывал его тяжелой секирой. Гай велел снять с него лишь седло, потник и уздечку, а тушу приказал бросить молодым гиелам.

– Пусть привыкают! Настоящие пеги перепадают не каждый день, – сказал он, наблюдая, как берсерк с хеканьем опускает секиру. Брызнула подкрашенная жижа.

– Даже крови нет! Эта туша насквозь прохимиченная, – поморщился Белдо.

– Хорошую гиелу химией только обрадуешь… Мощный был жеребец! Давно не видел таких крыльев. Не удивлюсь, если он в родстве с тем красавцем, который сам бросается на гиел, – задумчиво сказал Гай.

– А-а, Зверь! Хозяйка – некая Штопочка. Мы бы давно их пристрелили, но вы приказали не трогать, – с досадой отозвался Тилль.

Гай достал влажную салфетку и промокнул со щеки брызги. Тучный берсерк работал секирой, как заведенный, больше напоминая мясника.

– Жестокость должна быть осмысленной. Если моей целью станет перебить всех шныров, я поставлю в лесу пулемет или устрою засаду у лазейки, через которую их молодняк бегает в Копытово. Но кто тогда будет таскать нам закладки? – сказал он с раздражением.

– Все равно лучше подрезать этой Штопочке крылышки. А то больно много она ребят посекла своим кнутом. Взрослые мужики, и удирают от бешеной девчонки, которая ни черта не боится, – возразил Тилль.

Гай нахмурился. Как видно, это было для него новостью.

– Ингвар!

Топорных дел мастер повернулся, как медведь. Ждал.

– Ты прав! Поймай мне девчонку вместе с жеребцом. Поймай живой! Если она и правда так хороша, хочу устроить ей бой с Гамовым. Это будет занятно!

– От Гамова мало проку, – пробасил Тилль.

Гай удивился:

– Как? Он же вернулся и снова чешет небо!

– Чешет, но кое-как. На его гиеле и с его умением он мог бы каждый день приносить по перехваченной закладке, а он врет, что ему никто не попадается.

– То есть ты считаешь, что он больше не наш? – уточнил Гай.

– Не наш, – повторил главный топорник.

– Ты ошибаешься, Ингвар. Он ушел не очень далеко. Жена, которая ушла в соседнюю комнату, еще не совсем ушла, – заметил Гай.

– Все равно. Гамов стал слишком светлым. Всякие там фантазии у него, – Тилль крутанул у виска пальцем.

– Нет, светлым он не стал. Он стал наглым, – подумав, сказал Гай. – Это надо пресечь… Про девчонку ты запомнил? Пусть убьет ее в поединке.

– А если не убьет? – спросил Тилль.

– Тогда она убьет его. Но он убьет. Через себя ему не перешагнуть.

Гай посмотрел себе под ноги, на лицо молодого шныра, которое освободили, наконец, ото льда. Это было странное лицо, почти пугающее своим выражением. Казалось, он не умер, а шагнул в неведомое и прекрасное, и лицо успело отразить радость этого шага и пронести его в смерть. Дионисий Тигранович бегал вокруг тела, встряхиваясь, точно мерзнущий скворец.

– Ах! Я проклинаю все на свете! И день, когда взял закладку, и ведьмарство! Неужели существуют на свете ценности, ради которых должны погибать такие прекрасные молодые люди? – кудахтал он.

Тилль настороженно приподнял бульдожьи складки у глаз. Брякнуть такое при Гае был способен только Белдо. У тучного же берсерка едва не выскользнул из рук топор. С его точки зрения, это была крамола. Все равно, что заявиться к Сталину и, ковыряя в зубах, сказать, что вас достала советская власть.

Гай подошел к Белдо и положил тонкую руку ему на плечо. Спущенный шар заиграл бугорками. Гай плохо переносил зиму. От мороза его кожа местами краснела, а местами оставалась белой, что мгновенно выдавало мертвые участки. Лицо делалось сетчатым. Не спасал даже загар инфракрасных ламп.

– Я вас отлично понимаю, Дионисий! Мы с вами оба шныры и телом и душой… И это величайшая трагедия, что мы и они оказались по разные стороны баррикад! – сказал Гай.

Белдо умиленно закивал. У тучного берсерка сам собой открылся рот. Его простой мозг замкнуло. Он ворочал шеей, ожидая теперь чего угодно. Например, того, что Гай и Белдо, взявшись за ручки, пойдут разгонять гиел и записываться в шныры. Однако запись в шныры по неведомым причинам отложилась на неопределенное время. Гай опустился на четвереньки, как собака, обнюхивая кожу мертвого юноши. Длинные, вьющиеся волосы Гая скользили по шныровской куртке.

– Забавная химия… Как живой, только сердце не бьется. А на мать как похож! В свое время мы долго за ним охотились, а однажды он просто исчез. Хотел бы я знать, как он оказался в этом пруду. Ран на теле нет?

– Не видно, – отозвался Тилль. – Проверить?

– Какой смысл? Если ранен был шныр, почему упал пег? Жеребца осмотрели? Крылья целы? Следы топора? Шнеппера?

Тучный берсерк распрямился, вытирая пот с окровавленного лица.

– Так при падении ж все переломалось. Разве теперь разберешь? – пробормотал он, выгораживая себя.

Гай бросил косой взгляд на разделанную тушу.

– Так я и думал! Искать раны сейчас самое время! – пробормотал он и, решительно поднявшись, отряхнул колени от бетонной крошки.

Оглянувшись на Гая, Тилль сдернул с плеча у шныра сумку и вывалил ее содержимое прямо на грудь юноши. Вещей оказалось немного. Шнеппер с расслоившейся от влажности тетивой, метательный нож, раскисшая записная книжка и, наконец, завязанный с четырех концов платок.

Им-то и заинтересовались в первую очередь. Гай толкнул его длинным ногтем. Платок вспыхнул изнутри, точно загорелся. Сияние было ослепительным, не синим, а голубовато-белым, каким оно бывает только у самых сильных закладок. С коротким стоном Гай отдернул палец, тревожно разглядывая свой пылающий ноготь. Голубоватое сияние доползло до сустава пальца и погасло – контакт с закладкой был слишком кратковременным.

– Диосиний! Давайте вы! – хрипло приказал Гай.

– Я вы?

– Я не могу… Мне больно… Мой опекун… Скорее посмотрите, что там?

Жестом фокусника Белдо извлек из воздуха ножнички и разрезал платок. Внутри обнаружился светлый и ломкий камень-песчаник с синей стрекозой внутри. Стрекоза была очень велика – не меньше двух ладоней от головы до кончика хвоста. Она была совсем целая, лишь с одной стороны крылья были отколоты, что предавало закладке какую-то дразнящую неполноту.

Гай смотрел на стрекозу взглядом голодного волка, который не может схватить кусок мяса, потому что ему мешают прутья. Руку, пытавшуюся прикоснуться к закладке, он прижимал к груди. Нянчил ее, точно обожженную.

Белдо махнул разом двумя ручками, но в воздух не поднялся.

– Контрзакладка! Живая закладка! И какая огромная! Никогда не встречал на *двушке* стрекоз!

– До первой гряды их нет, – сипло сказал Гай.

– Значит, из Межгрядья?

– Не меньше, чем от второй гряды! Хотя, может, и ближе. Стрекозы, да будет вам известно, летают! – Гай, не отрываясь, смотрел на закладку. То же делали и Тилль с Белдо. Три голодных алчных взгляда скрещивались на закладке.

Этот отчаянный мертвый шныр пронес в их мир то, что было едва не ценнее самого мира – контрзакладку! Для владельца контрзакладки исчезает пространство. Он может переместиться в любое место, даже в Зеленый Лабиринт, если контрзакладке достанет стремительности. Правда, есть одно «но». Все это возможно только в том случае, если живая закладка ЖИВА. Ведь существуют же на *двушке* и мертвые стрекозы, как есть упавшие деревья или высохшая трава. Если же *стрекоза* мертва, то она становится из контрзакладки просто закладкой, но не обычной, а исключительной ценности, с неповторимым глобальным даром.

– Давайте, Белдо, не тяните! – крикнул Гай.

Старичок посмотрел на него взглядом умной птички:

– Как? Вы отдаете мне ее насовсем?!

– Нет. Проверьте ее, но не сливайтесь! Если позволит ваш опекун!.. Мой не позволяет.

– А если и мой тоже не… Я не хочу умирать!

– Вы не умрете. Я не стал бы вами рисковать, Белдо. Попробуйте! – нетерпеливо повторил Гай.

Помешкав в нерешительности, старичок осторожно коснулся закладки. Чувствовалось, что он готов был отдернуть ладонь, но не отдернул. Пальцы его жадно стиснули камень. Прозрачная кожа руки озарилась – проступили кости, сухожилия, сосуды. Голубоватое свечение поползло к локтю. Старичок вскинул голову. Кукольное личико выразило сложную смесь страха и наслаждения.

Решив, что камень сейчас погаснет, а закладка втянется в Белдо, Тилль схватил старика за плечо.

– Убью! А ну не смей! Отдай! – взревел он от жадности.

– Не трогай его, болван! Он не сольется! – крикнул Гай. Нежные жилы на тонкой шее раздулись в канаты.

Голубоватое свечение доползло по плеча старичка, однако на тело так и не перекинулось. Белдо встряхнул рукой, насильно размыкая неслушавшиеся пальцы. Камень выскользнул и, перекатившись через тело молодого шныра, остановился между его грудью и откинутой в сторону рукой.

Тилль потряс Белдо за плечи.

– Очнитесь!.. Что это была за закладка? Живая?

– Да, живая… Точнее, станет живой, когда ее соберут воедино. Но она же и закладка… повторного… шанса! – с усилием выговорил Дионисий Тигранович. – Очень сильная… Чудовищно…

Он сидел на полу и смотрел на свою ладонь, точно надеялся, что в ней сохранилось немного свечения. По крылу его носа ползла большая муха. Здесь, среди гиел, мухи не исчезали даже зимой.

– Ничего не понял! Какой, к эльбам, повторный шанс? – скривился Тилль.

– Эта закладка позволяет что-то переиграть в своей жизни! На любом этапе! Один-единственный раз, – упрямо повторил Белдо.

Тилль наконец поверил и ботинком толкнул валявшийся на бетоне шнеппер.

– Одноразовая закладка, что ли? Четыре часа за рулем – гиелам под хвост! Стоило столько времени ковыряться с дохлым шныром!

Белдо вздрогнул, очнулся. Маленький, не боящийся быть смешным старичок сидел на бетонном полу, и в глазах у него застыла тоска. Правда, тоска быстро сменилась раздражением.

– Ты что, Тилль, глупый, да? – завизжал он. – Мне в тебя плюнуть? Ногой тебя лягнуть? Для тебя хорошая закладка – это выдуть озеро коньяка, не рухнув мордой в стол и переобнимать всех девиц, которых не испугает твое жирное брюхо!

Тилль запыхтел, наливаясь сизой кровью. Он напоминал бойцовского пса, которому рвет уши истеричный визгливый мопс. Пса, который отлично понимает, что тронуть мопса нельзя, потому что рядом строгий хозяин.

Гай подошел сзади и опустил руку на плечо Белдо.

– Ну-ну, Дионисий! Остыньте! Не обижайте Ингвара Бориславича! Объясните просто!

– Лучше я буду объяснять курам картины Пикассо! – продолжал визжать Белдо. – Повторный шанс! Возможность все изменить, а ему плевать! Человек идет – топ-топ! – ножками! Доходит до развилки. На развилке принимает решение и выбирает дорогу! А если он ошибся? Если выбрал не тот путь? Если потом всю жизнь грызет себя?

Тилль вытащил изо рта сигаретный бычок и, поплевав на пальцы, затушил его.

– Как-то не впечатляет, – сказал он.

Белдо застонал.

– Объясняю еще проще! В самом важном бою жизни я стреляю во врага. Он уклоняется: болт проходит у него над ухом. И вот эта *стрекоза* дает мне шанс все переиграть! Выстрелить заново! Уже зная, в какую сторону он уклонится!

Тилль оживился.

– А вот это мысль! Когда я не был таким толстым, а гиелы такими слабосильными, я стрелял в Кавалерию из арбалета! Попал ей в седло прямо над спиной пега! А что если?..

– Не получится! – грустно прочирикал Белдо.

– Почему?

– Закладка отколота. Она не полная, и потому ее действия непредсказуемы… Из-за этого погиб шныр… Но… не пойму обстоятельств… Этот парень чего-то хотел. Чего?

Долбушин, вытянув ноги, сидел на ящике. Ни мертвый шныр, ни закладка его, казалось, не интересовали.

– К вопросу о выстреле в Кавалерию, – сказал он. – Вам известно, что такое логическая цепочка, Тилль? Изменение любого элемента временной пирамиды неминуемо приводит к изменению всех событий. Например, горячий мачо из ШНыра решит отомстить за Кавалерию и подбросит вам в джип атакующую закладку.

Тилль вздрогнул. Он был суеверен и не любил говорить о смерти. По жирной складке на его подбородке пробежала волна.

– Чего-то я тебя не пойму, Альберт! Ты за кого: за нас или за них? Или как дочка в ШНыр попала, папаша за ней хвостиком потянулся? – раздраженно спросил он.

– Я за того, за кого обычно. За себя, – ответил Долбушин.

Неожиданно Белдо подался вперед и, для большей сосредоточенности сжав руками виски, вгляделся в Долбушина.

– В чем дело, Дионисий? – спросил тот удивленно, ибо эта бесцеремонность не вязалась с обычной ласковостью старичка.

Не отвечая, Белдо с хрипом выдохнул и завертелся на месте. Это была безумная пляска. Казалось, у старика совсем исчезли суставы, потому что руки творили нечто немыслимое и гнулись во всех направлениях. Наконец, весь в пене, Дионисий Тигранович упал на колени и откинулся назад.

– Недостающая часть закладки! Скоро она будет в ШНыре!.. Мы должны получить ее! А вас, Альберт, ожидает что-то ужасное! Вы окутаны облаком смерти! Она в ваших глазах!

– Я всегда думал, что в моих глазах зрачки, – кисло отозвался Долбушин.

Дионисий Тигранович повернул к нему измученное пляской лицо.

– Мой опекун не ошибается! Скоро или вас убьют, или вы убьете кого-то из присутствующих здесь! Может быть, меня… Или Тилля… или…

– Какой бред! – с улыбкой перебил Долбушин, однако, оглянувшись на Гая, перестал улыбаться.

Гай явно не считал слова Белдо бредом.

– Что скажете, Альберт? Признавайтесь, что за мысли вы вынашиваете? Кого вы собрались убивать? Случайно не меня? – спросил он будто в шутку, однако его арбалетчики почему-то растянулись вдоль стен ангара, чтобы не мешать друг другу.

Долбушин понял, что это может означать. Одно движение пальца Гая и…

– Встать с ящика я не успею. Но зонт метну даже со стрелой в спине. Хватит легкого прикосновения, чтобы уничтожить вашего эльба, Гай! А к чему это приведет – вы знаете сами! – быстро предупредил он.

Несколько секунд Мокша Гай смотрел на него не мигая. У его рта обозначились две белых, идущих вниз полосы. Окруженный ими подбородок округлился и вспыхнул, как прилепленная не на место младенческая пятка, а лицо пошло контрастными пятнами. «Ага, боишься! Ты, и боишься!» – с торжеством понял Долбушин.

Гай махнул рукой, приказывая охране опустить арбалеты.

– А ведь вы не бросили бы зонт! – сказал он.

– Почему? Ваша охрана готовилась меня убить. Что я потерял бы?

– И все равно вы бы его не бросили! Вы напоминаете мне Гамова, Альберт! Как и Гамов, тяготеете к красивым жестам и спасению человечества. Вроде весь такой благородный, но в последний момент прекрасно «сливаете». Поэтому, как глава важного для организации форта, вы лучше любого явного жулика, который придет на ваше место. Именно поэтому вы еще живы. Пока живы! – весело сказал Гай.

Долбушин, желтея, слушал его. Зонт плясал у него в руке.

– Очень надеюсь, что и дочка окажется в вас, и однажды «сольет». И чем выше она заберется к моменту, пока «сольет», чем ближе окажется к закладке из предсказания Круни, тем лучше для всех нас, – закончил Гай.

На этот раз зонт, возможно, полетел бы в Гая, но между ним и Долбушиным уже стояла плотная цепь охраны. Долбушин уставился в пол и молчал. Ручку же зонта сжимал так, что все тело его было точно налито болью.

Белдо давно уже промокнул платочком свой пророческий лоб, побрызгался духами из маленького флакончика и снова был свеж и мил. Он все никак не мог успокоиться и, ахая, любовался сыном Кавалерии.

– Ну как живой! Капельки на ресничках дрожат!.. Как с ним поступим? Может, отдать матери? Торжественные похороны, оркестр, пеги в черных попонах, обелиск до неба? – предложил он.

Гай ущипнул себя за мочку уха.

– Ни в коем случае. Не надо создавать шнырам героев!

– А как тогда…

– Тело зашить в мешок и похоронить где-нибудь в лесу! – жестко приказал Гай. – Без приметных знаков, без камней, без плит. Ингвар, привлеките самых надежных людей! И пусть тот, кто хоронит, не знает, кого он закапывает.

Глава форта берсерков понимающе кивнул.

– Не впервой! Сделаем! – отозвался он.

Когда Гай ушел, Белдо, Тилль и Долбушин стали прощаться. За Белдо уже приехал Птах, а за Долбушиным – Андрей.

При прощании Тилль долго мял в своих ручищах ладонь Долбушина, однако в глаза ему не смотрел – держал взгляд на уровне подбородка.

– Рассердил ты сегодня Гая… Ох, рассердил! Никогда его таким не видел. Как же так, Альберт? И Дионисий говорил что-то такое несуразное, будто ты убить кого-то собираешься…

– А ты, конечно, решил, что для тебя это команда «фас»? – холодно спросил Долбушин.

– Скажешь тоже, Альберт! Какой такой «фас»? Не пойму, о чем ты! – тревожно сказал Тилль и, отпустив его руку, поспешил отойти.

Глава 8
Небесный водолаз

Физический закон, как верная собачка, всегда бежит рядом с законом нравственным и обуславливается им, хотя со стороны и кажется, что хозяина у собачки нет. Как сформулирует физический закон? Чашка, набравшая высокую скорость, разбилась вследствие соприкосновения с более твердым по плотности предметом (стеной). И все. А почему летела, зачем – все это за скобками и физическим законом не описывается. А нравственный закон: кот Васька обнаглел, вот в него и швырнули чашкой. Всякому ясно, что первичен тут не физический закон, а именно обнаглевший Васька.
Йозеф Эметс, венгерский философ

Каждый сходит с ума в меру своих сил и способностей. Если же кто-то не сходит, то он, скорее всего, уже неизлечим. У Сашки тоже имелись свои тараканы, которых он холил и лелеял вместо того, чтобы раз и навсегда оторвать им усы. Вечерами он иногда заявлялся к Рине, просил одолжить ему ноут и заходил на форум боевых искусств. Узнав, что в какой-нибудь секции крепкие ребята не прочь поспарринговать, он в ближайший выходной отправлялся к ним и возвращался ближе к вечеру синеватый, как упырь, хромающий, с отбитыми ногами и красными пятнами на корпусе. Но при этом довольный, как слон! Как-то Даня из любознательности увязался за Сашкой и после рассказывал:

– Представляете, господа: они молотят друг друга по чему попало, как полные психи, а по свистку тренера становятся друзьями! Я бы так не смог! Я бы точно плюнул в того негодяя, который меня побил!

Кавалерии молодецкие забавы Сашки не нравились, поскольку с отбитыми ногами и ребрами он потом три дня держался в седле, как бегемот на заборе. Как-то она позвала его к себе в кабинет.

– Не хочу навязывать свой взгляд на вещи, но лучше бы ты больше стрелял из шнеппера или учился у Ула премудростям шныровского боя.

– А как же: за одного битого – двух небитых дают? – спросил Сашка.

– Это если бить не по голове. Если бить по голове, за одного дурака двух умных никто не даст! – отрезала Кавалерия.

Сашка засопел. Боксеров он дураками не считал. Даже с частично отбитыми мозгами они ухитрялись процветать в жизни.

– Шныровский бой – это как? Саперкой по мозгам и в ухо из шнеппера? – спросил он, улыбкой смягчая жесткость фразы. Ежу понятно, что железка и стрелялка делают человека сильнее, особенно если грамотно их сочетать. Но вот называть это системой боя…

– Красивый у тебя свитер. Шерсть?

Кавалерия коснулась его рукава, точно отщипывая что-то. Сашка удивленно кивнул. Кавалерия шагнула к столу и села на край.

– Ударь меня! – предложила она.

Сашке показалось: он ослышался.

– Чего надо сделать?

– Нападай и ударь!

– Вы серьезно?

– Давай! Или испугался? – нетерпеливо повторила она.

Сашка поморщился. Бить Кавалерию он не собирался, чего бы она там ни говорила. Он был человек бывалый, много таскавшийся по залам, и знал: когда тетенькам кажется, что они могут на равных противостоять молодому сильному мужчине, – это, как правило, клиника.

– Ну-с? Чего ждем? Осени?

Не желая ссориться с Кавалерией, Сашка шагнул к ней, притворяясь, что замахивается. Октавий прыгал вокруг, захлебываясь лаем. Сашка осторожно стряхнул его с брючины, снова шагнул к Кавалерии, однако до нее так и не добрался. Она даже рук не подняла для защиты. Просто сильно дунула, и Сашка осознал, что ноги его отрываются от пола. Загребая руками воздух, с выпученными от ужаса глазами, он врезался в стену рядом с дверью. Сползая на пол, Сашка, помнится, удивлялся, что ураган так быстро прекратился и, главное, тот же ветер не тронул больше ничего – даже листика бумаги со стола у Кавалерии. Не желая признавать себя побежденным, он вскочил и прыгнул на Кавалерию. Не успел. Она что-то быстро в него метнула. Сашку толкнуло в грудь. Он упал и понял, что не может подняться. Он лежал на спине и ощущал себя выброшенной на берег медузой. Огромная тяжесть прижимала его к полу, как в детстве, когда на него рухнул шкаф с книгами. Кавалерия спокойно приблизилась к Сашке, что-то сняла с рукава его свитера и спрятала в поцапаранную жестяную коробку из-под леденцов.

– Что это?

– Парашютик одуванчика с *двушки*! Обладает уникальной летучестью. Пушинка, как видишь, всего одна, а парусность у нее, как у фрегата, – объснила она.

– Это и есть шныровский бой? – спросил Сашка.

– Да, – сказала Кавалерия. – Но все не так просто, полно нюансов. Например, одуванчик срабатывает, когда парашютику есть к чему прилепиться. По куртке он соскользнет и проку не будет… А вот это, смотри: хвоинка сосны с *двушки.* – Она что-то выпутала у него из свитера. – В привычных условиях она сделала бы тебя тяжелее всего на пять килограммов, да и то не сразу. Но если покрыть ее глиной с той же *двушки*, для утяжеления использовать каплю смолы, а на край для противовеса подклеить лист подорожника, то это будет уже полтора центнера. Почему, не знаю – там свои пропорции и законы.

– Прикольно! А как вы сами эту иголку поднимаете? И почему от этого пуха не улетаете? – Он, наконец, сумел привстать и сидел на полу, переводя дыхание.

Кавалерия щелкнула крышкой коробки.

– Пять баллов за вопрос! Метать надо, держась за подорожник. За него же вытаскивать. А хранить в емкости, выстланной фольгой, под которой проложен слой водорослей… Ну все, иди! Теперь ты знаешь: чтобы победить, необязательно бить противника по голове кулаком или лопатой…

– Вы могли бы меня научить?

Кавалерия улыбнулась.

– Вообще-то, я не большой специалист. Раньше знала больше, но забыла. Это к молодежи нашей надо обращаться – к Улу, к Максу, Родиону!

Сашка ушел, пообещав себе, что теперь будет приставать к Улу, Максу и Родиону, пока не узнает о шныровском бое столько же, сколько знают они.

* * *

В пегасне ШНыра все было как всегда. Возможно, даже «чутьвсегдее», чем обычно. Ушастый Витяра, совершавший кардиограммные скачки между застенчивостью и непредсказуемостью, исполнил скрипичный концерт на лопате, используя вместо смычка веник. Потом стал шататься по проходу и всех обнимать.

– Ты чего? – удивился Афанасий, когда его обняли сзади и прижались ухом к его куртке.

– От ты дуся! Да ничего! У меня сегодня трогательное настроение. Бродю по ШНыру и трогаю всех подряд! – пояснил Витяра.

– А ты не броди! По ШНыру надо шнырять! – Афанасий сидел на табуретке рядом с амуничником и, помогая себе шилом, зашивал седло.

– Я и шныряю. Только жалко мне вас… Какие-то вы все тут недообнятые! Вот и стараюсь исправить! – сказал Витяра.

Афанасий вспомнил, что когда он был у Витяры в комнате, то видел на столе огромный пластилиновый ШНыр, вылепленный с невероятной точностью. Каждое окно, каждое дерево в парке, каждый изгиб кустарника в сердце Зеленого Лабиринта. Даже водосточная труба с отлетевшим коленом. Вот ограда, вот склад, вот пегасня, из ворот которой выглядывает конская морда.

– Что это? – с изумлением спросил Афанасий.

Витяра, видимо, сожалел, что не успел накрыть свою работу покрывалом и спрятать ее. Но отступать было поздно.

– Идеальный ШНыр! – сказал он.

– И долго ты его? – Афанасий даже близко не мог представить себе объем работы.

– Полтора года, триста пачек пластилина, моток проволоки и тысяча спичечных коробков… А вот смотри сюда! Эх! – Витяра секунду поколебался, а потом наклонился и двумя руками осторожно снял со ШНыра крышу.

Афанасий убедился, что внутри ШНыр такой же подробный, как и снаружи. Крошечные стулья, деревянные панели, даже крошечный красный огнетушитель висит на стене. А в столовой за столами сидят маленькие, но абсолютно узнаваемые фигурки.

– Вот это ты! Тут я! Это Кавалерия. Ул с Ярой. Это Игорь. А это Платоша! – сказал Витяра.

– Так ведь Игорь… он того… А Платоша… э-э… – осторожно начал Афанасий, останавливаясь, чтобы не произнести двух страшных слов.

– У меня идеальный ШНыр! В идеальном ШНыре никто не умирает и никто не предает! – с упрямым бесстрашием сказал Витяра, и уши его засияли двумя багровыми полукружиями.

В соседнем проходе послышались крики, и Афанасий отвлекся от воспоминаний. Кузепыч гонялся за Кириллом и вопил:

– Металлической скребницей лошадь!!! Руки оторву, пальцы пооткусываю!

– Да я грязь снять! Щетка не берет!

– А ты щетку почистить не пытался? А если б там плоскогубцы лежали – ты плоскогубцами грязь бы отдирал?

Кирюша, ойкая, вылетел из пегасни. На снежных просторах Кузепычу было за ним не угнаться. Отдуваясь, он вернулся и толкнул ворота:

– Бывают же такие уродцы, сморкливый пень! Ничего… не уйдет!.. В столовке отловлю!

– Кузепыч! Учеников бить нельзя! Они от этого ломаются, – на правах старшего шныра напомнил Афанасий.

Кузепыч пошевелил короткими пальцами.

– Ишь ты! Учеников нельзя, а учащихся можно?

– Учащихся иногда можно. В отдельных случаях! – подумав, согласился Афанасий и красноречиво посмотрел на ворота пегасни, за которыми скрылся Кирилл. – Кажется, этот больше похож на учащегося!

Вовчик и Окса, чтобы веселее было выгребать из денников навоз, устроили друг другу проветривание запылившихся отношений.

– Я сегодня тако-ого парня видела в Копытове! Высокий, белокурый, кубики пресса – конфетка! – заявила Окса.

– Кубики пресса? Он чего, голый по морозу ходил? С какого бодуна? – лениво поинтересовался Вовчик.

Окса спохватилась, что провралась, но оступать было поздно.

– Может, и не по морозу! – таинственно сказала она.

Вовчик позеленел. Лезшая ему под ноги контрабандная кошка отлетела на два метра.

– А я какую девчонку вчера видел в городе! Ноги от зубов!

– Что, прям от зубов? Даже и туловища не было? – мгновенно завелась Окса.

Хоть она и знала, что Вовчик вчера весь день просидел в ШНыре, помогая Кузепычу чинить в подвале котел, все равно лопата начала приплясывать в опасной близости от его головы. Цепляя коленями бряцавшее ведро, к ссорящейся парочке подошел Даня и, дернув себя за мочку уха, сказал:

– Взаимное встречное почтение, господа! Смотришь на вас и согреваешься! Градация деградации в контексте псевдоэволюции!

Окса с Вовчиком напряглись. Они не любили мудреных слов.

– Это еще откуда? – подозрительно спросила Окса.

Даня тревожно посмотрел на лопату.

– Из одного классического произведения, – сказал он.

Окса смягчилась. Классику она уважала.

– Пушкина, что ли? – спросила она.

– Да. – Даня щедро уступил Пушкину авторство. В конце концов, какие счеты могут быть между гениями?

В пегасню вошел Ул, вернувшийся из нырка. Шныровская куртка обледенела. Рукава не гнулись в локтях. Он уже во второй раз нырял за закладкой для сумасшедшей девушки из Звенигорода, которую держали привязанной, потому что она глотала половинки опасной бритвы.

– Ну как? – крикнула ему Яра.

Ул качнул пустой сумкой.

– Ненавижу синяки! С первого раза редко когда повезет. А тут и со второго – облом!

Ул поставил уставшего Цезаря в денник (на Азе он пока не нырял) и, поручив его заботам новичков, вышел. Навстречу ему, ведя Аскольда, шел Родион, вернувшийся из нырка немногим позже Ула. Он был измотан и шатался от усталости.

– Привет, старикан! Не сутулься! – сказал ему Ул и ткнул его кулаком в бок.

Ткнул совсем несильно, но Родион вскинул голову, оскалился, как волк, и неожиданно боднул Ула лбом в лицо. Ул упал. Он сидел на полу и трогал челюсть. Потом поднялся, вытирая кровь. Родион нависал над ним, сжимая кулаки, однако ясно было, что во второй раз он не ударит.

Аскольд, чей повод Родион выпустил, с перепугу взвился на дыбы. Бил передними копытами и хлопал крыльями. Ул поймал его, завел в денник и запер. Качнул засов, проверяя, надежно ли он зашел. Потом махнул Сашке, показывая, что об Аскольде надо позаботиться.

Родион напряженно ждал, понимая, что их общение с Улом еще не окончено.

– Идем! – сказал Ул будничным голосом и быстро пошел к выходу из пегасни. Родион догонял его, пытаясь забежать вперед. Вид у него был растерянный и ищущий. О своей вспышке он уже жалел, да как видно, и не понимал, что на него нашло.

Макар видел стычку во всех подробностях. Денник Грозы, у которой он пропадал с утра, соседствовал с денником Аскольда. Хотя выбравшему Макара жеребенку было всего семь-восемь месяцев, светло-серая «в гречке» кобылка казалась очень многообещающей. Разумеется, если ее не перевесят собственные фокусы. «Ты воспитывай лошадь, а не ее капризы! А то намучишься потом!» – предупреждала Кавалерия, однако Макар слишком любил свою Грозу и только радовался, когда она отжевывала ему пуговицы или упрямо поворачивалась задом,

увидев в его руках уздечку. Макар не выдержал мук любопытства и, едва за Улом и Родионом закрылись ворота, кинулся к двери в центре пегасни. Дверь была низкой, чтобы не выпускать тепло. Не дверь, а лазейка. Пегов сквозь нее проводить запрещалось: они могли повредить крылья.

Снаружи на перевернутом ведре сидела Наста и жадно курила, выпуская дым себе под ноги. Услышав скрип двери, она хотела втоптать окурок в снег, но, узнав Макара, молча кивнула ему и продолжила дымить. Макар обежал пегасню по глубокому снегу и осторожно выглянул из-за угла. Ул спокойно сидел на вкопанной покрышке. Родион бегал вокруг него и что-то горячо говорил, потрясая рукой. Между старшими шнырами и Макаром блестела огромная, ставшая общим катком лужа.

Макар разочаровался: он ожидал мордобоя. Хотя не исключено, что это был только разгон, а мордобой еще предстоял. Еще Макар понял, что, если пойдет через лужу, его обнаружат. Он опустился на четвереньки и быстро пополз, прячась за горбом обледенелого снега, который сгребали с дорожки. Улу с Родионом было не до Макара, и вскоре он уже различал голоса. Точнее, один – сердитый, возбужденно-высокий, так мало похожий на обычный мужественный голос Родиона. И странно было, что у страшного Родиона, грозы берсерков Тилля, может быть такой голос.

– Сорвался! Гипс сняли, но кость ночами крутит. Я почти не сплю. Прости!

– Забыли, былиин! С тебя – три банки пива, а с меня – один раз по морде! – Ула отвечал нечетко. Видимо, держал палец во рту, трогая зуб.

– Почему все так паршиво? Сегодня нырок, завтра нырок, через два дня нырок – и всякий раз потом содранные ладони, тошнота и отходняк! Совершенно нечего ждать. И так до самой смерти!

– Как это – нечего ждать? – озадачился Ул.

– Святая простота! Да ты мне скажи: чего! Я буду ждать, бегом побегу! Обеда? Тележки с навозом? Очередного калеки, который без закладки не вытрет себе соплей? Нашего чердака, где дует из всех щелей?

– А чего дует-то? Я ж вроде заделал! – удивился Ул.

– Почему так нельзя шнырить, чтобы и самому хорошо было? – захлебываясь, продолжал Родион. – Все хорошее только для какого-нибудь Васи, которого мама вовремя не абортировала. Открой глаза, Ул! Что нас ждет? Меня? Тебя? Сам посмотри – сколько в ШНыре молодняка! А стариков сколько? Один Меркурий! А где остальные? Или ушли, или перебиты!

Ул хмыкнул.

– Ну ты, чудо, былиин! Удивил! А ты хочешь в девяносто лет в своей кровати умереть? От ужаса, что доктор забыл принести таблеточку?

– Да плевать мне, где я подохну! Я смерти не боюсь! – Родион ударил себя кулаком по ладони. – Я думал, если превзойду всех шныров – мне будет легче, новый этап какой-то, радость! А мне с каждым днем тяжелее! В сто раз паршивее, чем до первого нырка! С закрытыми глазами это вижу! Встал на рассвете – темно, сыро, погано! Потащился в пегасню! Ныряешь, копаешь, возвращаешься! Да я ненавижу уже этот ШНыр и эту *двушку*!

– Ну дак, ясное дело! Романтика закончилась, и началась рутина… Вспомни: ты на снегу спал, дождевых червей ел, сырую рыбу. А полеты без седла? Да тебя в историю впендрючивать можно, только учебников жалко! – ободряюще сказал Ул.

Родион плюнул в сугроб и стал смотреть, как плевок, желтея, медленно замерзает. Ул тоже смотрел на него же: казалось, этот плевок самое интересное, что есть в ШНыре.

– Горел, горел и – перегорел. А теперь я разряжаю вечером шнеппер и прячу его подальше, чтобы не выстрелить себе в голову. А когда несусь на пеге, боюсь смотреть вниз, потому что мне хочется прыгнуть!

– Кавалерия говорит: пока мы что-то делаем, хотя бы и через боль, цел наш кораблик! – сказал Ул.

Родион отозвался, что ему все эти бредни до одного места. Достало! Если кому-то нравится быть мазохистом – милости просим. А с него хватит.

– Ты не высыпаешься. Держись! Это нормально!

– Что нормально? – захрипел Родион. – Это у тебя нормально! Не так уж ты и мучаешься, потому что у тебя Яра твоя есть! Третесь носами, как лошади, шарахаетесь по кустикам, вот вам и хорошо! Устроили тут мексиканские страсти в этом паршивом холодильнике!

– Ну дела, былиин! И что ты советуешь? Бросить Яру, чтобы тебе легче было?

– Да не надо никого бросать! Мне легче не станет. Но вот вгонят ей когда-нибудь болт в глаз – посмотрим, как ты запоешь! Это я не потому, что смерти ей желаю, а чтобы ты понял – каково это, когда вообще никаких радостей!

– А вот сейчас я бы тебе врезал, – сказал Ул задумчиво.

– Ну так врежь! Что сидишь? Врежь! Что, зассал?! – крикнул Родион и бросился на него.

Схватка была очень короткой. Когда Макар привстал, чтобы ничего не пропустить, Родион уже лежал на снегу, уткнувшись в него лицом, а Ул сидел у него на спине и держал его руку.

– Отпусти! – прорычал Родион. – Я тебя убью! Отпусти!

– Тихо, – миролюбиво сказал Ул. – Тихо! Может, ты и резче, и ножи лучше метаешь, и маскируешься отлично, но я же медвежонок! Пока я тебя держу, ты не рыпнешься!

С минуту Родион рвался, пытаясь освободиться, потом понял, что это бесполезно, и устало сказал:

– Все. Слез с меня! Я в порядке!

Ул выпустил его руку и слез со спины. Родион поднялся, отряхивая колени. Лицо у него было желтоватым. Он зло, как волк, скалился.

– А все-таки плохо, что ты мне не врезал! – сказал Родион.

Он не шутил. Кажется, всерьез жалел об этом.

Некоторое время оба молчали. Макар уже начинал мерзнуть в сугробе, не зная, что делать: отползать или не отползать. Но тут Родион опять заговорил, горячо и быстро:

– Нет, ты назови хоть одного шныра, у которого все было бы нормально! Ну да! Я слышал эту лажу! «За гробом каждого из выстоявших ждет свободный проход на *двушку*! За вторую гряду – в те неведомые дали, куда шныры могут пробиться только мертвыми!..» Агитпроп!

Ул дернул замок шныровской куртки, выпутывая зажеванную молнией соломинку.

– Да ведь правда, ждет! Ты же сам видел вторую гряду! Перед ней таким грузным себя чувствуешь, неловким. Точно одубевшими пальцами нитку вставляешь. А потом такая легкость наступает – кажется, оторваться бы от тела, сбросить его как мешок с костями и рвануть туда. Но надо вытирать сопли, собирать тряпочкой пот и на лошадке трюхать обратно!

Родион жадно слушал. Он считался специалистом по приискам Скал Подковы. В Межгрядье же не прорывался – становилось невыносимо жарко, кружилась голова, подступала тошнота.

– Да даже если и так! Сколько лет еще терпеть?

– Да расслабься ты! Недолго! Вон берики новые арбалеты с лазерным наведением получили. Выхожу вчера из тучи и никак не соображу, что за красный жук по крылу у пега ползет. Хорошо, жеребец у меня бывалый – шарахнулся… Просто ныряй, да и терпи!

Слово «терпи!» подействовало на Родиона, как красная тряпка на быка.

– Какой дурак выдумал это терпение? – спросил он хмуро.

– Его выдумала практика. Если ты не знаком: такая усатая тетка с мужским размером ноги, – представил Ул.

Родион и слушал, и не слушал.

– Достало все! Ишачим, как рабы, мерзнем, кутаемся в тулупы, а у ведьмарей – термобелье! Легонькое, теплое! Там не покупают для столовой просроченных круп!.. Помнишь, берик в прошлом году о защиту ШНыра размазался? Так у него одни часы – нам за жизнь не заработать! А флорентийский топор четырнадцатого века с золотой гравировкой?

– Так разбился же! Может, меньше трясся бы над топором, тщательнее управлял бы гиелой? Опять же, усатая тетка говорит, что лучше нырять в овчине, чем в химических трусах. На *двушке*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.